

ЕКАТЕРИНА РИЗ

Остановите музыку

Екатерина Риз

Остановите музыку

«Издательские решения»

Риз Е.

Остановите музыку / Е. Риз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830735-5

Нина — профессиональная танцовщица — оказывается в ситуации, когда невозможно обеспечить себя и ребенка. В чужом городе она оказывается перед выбором: вернуться в родной город, так ничего и не добившись, или согласиться стать стриптизершей в закрытом мужском клубе. До какой степени отчаяния нужно дойти, чтобы сделать этот шаг? И что предстоит узнать об изнанке жизни, от которой так долго пыталась убежать?

ISBN 978-5-44-830735-5

© Риз Е.

© Издательские решения

Остановите музыку

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2016

ISBN 978-5-4483-0735-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дети носились по участку, с криками, визгом и смехом, играли в догонялки, радовались солнечному дню и тёплой погоде. Старшему, Даниле, было десять, а двойняшкам, Ире и Диме, по семь. Нина наблюдала за племянниками с крыльца родительской дачи, улыбнулась, когда почувствовала взгляд брата, понадеялась, что вышло непринуждённо. Вовка, её старший брат, занимался шашлыками неподалёку и время от времени покрикивал на детей, чтобы не слишком шумели.

– Вы весь посёлок на уши поднимете! – восклицал он, но без раздражения. – Мама, мам, кинь спички, а?

– Вова, ты только поосторожнее с этой жидкостью, – слышался встревоженный голос матери. – В прошлый раз как полыхнуло, помнишь?

– Помню. Как не помнить, брови-то мои, – пробурчал Вовка. Лязгнул шампурами, затем шикнул на детей, которые принялись крутиться рядом с ним.

– Ты чего здесь стоишь?

Нина обернулась, услышав голос отца за спиной.

– Воздухом дышу, – выдала она глупую отговорку и снова улыбнулась. – Хорошо у вас тут.

– Хорошо, – согласился отец, добавив в голос немного ворчливости. – Ещё бы не хорошо, столько сил вложено. А ты появляешься раз в год и говоришь: хорошо!

– Пап. – Нина присела на перила. – Ты же знаешь, что я не могу приезжать часто. У меня работа, а к вам далеко, не наездишься.

Отец присмирел, недовольство проглотил, после чего поинтересовался:

– Как у вас дела? Чего Пашка-то не приехал?

– Он занят, – быстро ответила Нина. – У него новый проект.

Фёдор Николаевич непонимающе нахмурился. Слова «новый проект» ему мало о чём говорили. А Нина даже объяснить не пыталась, уже давно не пыталась. В понимании отца, бальные танцы – не были работой, тем более для мужчины. Для взрослого мужика, который обязан кормить семью. Он считал всё это баловством, ещё со времён юности Нины, когда она объявила родителям, что для неё кружок балльных танцев в местном ДК перестал быть просто безобидным увлечением, она собирается танцам жизнь посвятить. Правда, когда она в четырнадцать лет сказала отцу:

– Я буду танцовщицей, – даже ей почудился некий подтекст в этих словах. Отец же тогда только недоверчиво хмыкнул, видимо, уверенный, что чуть повзрослев, она мимо института, или хотя бы техникума, не пройдёт. Но начались поездки на конкурсы и первенства, и до получения высшего образования так и не дошло, что родителей сильно расстраивало. Нина была уверена, что они до сих пор считают её выбор большой ошибкой. И что самое печальное, на данный момент жизни, когда ей двадцать шесть лет, ей нечего возразить. Что значат призы и дипломы? Когда, опять же, нужно чем-то кормить ребёнка. Даже призерам всероссийского конкурса по латиноамериканской программе за прошлые заслуги не платят. И поэтому Нина сейчас уже привычно опустила перед отцом глаза, готовая выслушать все наставления и поучения. Каждый визит в родительский дом превращался для неё в форменное мучение. И это притом, что появлялась она здесь не часто, да и родители кое о чём не догадывались. Самые

неприятные известия она уже около года приберегала. На потом. Вот только когда это «потом» наступит? Так и будет ездить в соседнюю область, в районный город, в котором родилась, и придумывать разные причины для отсутствия мужа?

Чтобы как-то уйти от неприятных вопросов, Нина снова стала смотреть на старшего брата. Тот деловито нанизывал куски мяса на шампур, шутливо пререкался с детьми, подыгрывая тем, и, вообще, выглядел до безобразия домовито, как и полагается отцу благородного семейства. По поводу благородства их общего семейства, Нина, конечно, поспорила бы, но Вовка был удачно, по меркам их родителей и всех вокруг, женат, всё в его жизни было правильно, а с возрастом пришло к степенности. Бывший спортсмен, звёзд с неба никогда не хватал, но и вперёд, за недостижимым, его ни что не гнало. Нина прекрасно знала, что брат своей жизнью доволен. Есть квартира, работа, средний уровень достатка, семью содержать способен, даже жену время от времени балует подарочками, а уж дети – трое и все, как один, здоровы и веселы... Неудивительно, что родители в нём и внуках души не чают. Вовка даже в юности никаких неприятностей не доставлял, всё-то у него правильно. В отличие от неё. На неё родители хоть и ворчали частенько, от тревоги, но Нина была уверена, что им проще жить, когда она далеко, и они её проблем не знают и не ведают. У них и без того забот с троими подрастающими внуками полно. Она это осознаёт в полной мере, и старается не сваливать на них свои невзгоды. Раз уж вылетела однажды из гнезда, не взирая на запреты родителей, то что теперь жаловаться?

Иногда она думала, что было бы, послушай она их, и останься в родном городе. Успокоилась со временем, перестала бы мечтать, вышла бы замуж, возможно, всё за того же Пашку, и жили бы они тихо-спокойно. Вот только представить, чем муж мог бы заняться в этом городе, сейчас уже не получалось. Не на фабрику же ему идти, на которой брат трудится? Её Пашка смотрелся бы там занятно, с его-то любовью к фирменным шмоткам и нескончаемыми планами перебраться-таки в столицу. Пашка тщеславен и честолюбив, и всегда чётко знал, чего он хочет от жизни. Нина горела рядом с ним, впитывая его мечты, как губка, она была впечатлительна, и вскоре после того, как их поставили в пару, она уже искренне считала, что его мечты – это и её мечты. Будто они в ней жили и до встречи с ним. Но ведь это не так? Не так. Она поняла это, когда осталась одна. Когда Пашка уехал в Москву работать над «новым проектом», а она осталась, потому что уже никому не была нужна. После травмы, после родов, после нескольких лет отсутствия, когда уже не войти в прежнюю форму. Она сидела дома, смотрела на награды, которые они заработали за несколько головокружительных лет, вспоминала, как всё ярко и вкусно было, и надеялась только на то, что мужу повезёт больше, чем ей. О том, что разочаровала его, даже задумываться боялась. В особо отчаянные моменты казалось, что она во всём виновата. Если бы она не оступилась в финале, если бы не решила снова выйти на танцпол, чтобы закончить программу, не усугубила ситуацию, травма лодыжки не была бы столь серьёзной. Или приложила бы больше усилий, была бы сильнее, чем есть на самом деле, восстановилась быстро, ведь известны случаи, когда танцоры восстанавливались после более серьёзных травм. Если бы не решилась родить ребёнка в этом перерыве... Хотя, о ребёнке она не жалеет. Единственное, о чём не жалеет. А в плане работы она попросту сдалась. Испугалась ответственности, напора мужа, который без конца поторапливал её, говорил, что надо работать, работать, что им нельзя затеряться, ведь их ещё помнят. Недаром позвали из их маленького городка и районного ДК ближе к Москве, это последняя ступенька, они победители Первенства области, остался шаг или два. Но Нина помнила, какое облегчение ощутила, когда узнала про свою беременность. Это было отсрочкой, и даже Пашка поспорить не мог, он знал, что бесполезно просить её сделать аборт. Тогда Нина сочла это знаком свыше, благом, была уверена, что год перерыва пойдёт на пользу, а потом появится дополнительный стимул идти дальше, бороться. В девятнадцать лет казалось, что всё ещё впереди. Но всё оказалось сложнее, и нельзя было запретить мужу искать новую партнёршу, потому что ему нужно было

банальным образом кормить семью. Нина уже позже поняла, на что она Пашку подтолкнула. С его принципами и честолюбием, танцевать в ночных клубах, чтобы заработать хоть какие-то деньги, было унижительно. Днём он работал над новой программой, с новой партнёршей, ночами пропадал в клубах, а Нина уговаривала себя, что он всё это делает для неё и ребёнка, потому что любит. Наверное, любил. Да нет, не наверное, а любил. Конечно, не больше, чем себя, любимого и драгоценного, но надо отдать мужу должное, он не бросил её с младенцем на руках шесть лет назад, он остался, вот только сейчас Нина не была уверена, что из любви. Скорее всего, Пашке просто нравилось чувствовать себя героем, а ещё немного мучеником.

Они развелись полгода назад, и об этом Нина родителям не говорила. Никак не могла подобрать правильных слов, не хотелось разрушать миролюбивую атмосферу, когда все друг другом довольны. А тут она, со своими проблемами. И, в отличие от некоторых, у неё хорошие новости случались крайне редко. По крайней мере, так родители считали. Поэтому легче было отмолчаться, продолжать улыбаться и заверять, что у неё всё в порядке. Вот как у Вовки. Семья, дом, работа. И неважно, что семья с некоторых пор – это она и дочка, дом – чужой, маленькая съёмная квартира, а работа – детская танцевальная группа в частной школе. Мама считала, что раз школа частная, то это солидно и платят прилично, но на самом деле это было не так, и, оставшись с ребенком одна, Нина почувствовала, насколько маленькая у неё зарплата, едва хватало на оплату жилья. Пашка, конечно, появлялся и денег давал, но было это не часто и сам он жил не шикарно, московская тусовка требовала своё, нужно было соответствовать, а для бывшего мужа соответствовать – одно из главнейших требований в жизни. Оторвать от себя лишнюю копейку ему и в голову не придёт, а Нина и не требовала. Ей самым страшным казалось расстроить дочь, напугать её скандалом, и без того пришлось объяснять, почему папа в один прекрасный день собрал вещи и ушёл, хлопнув дверью и ничего не сказав. Пашка в тот день был зол, они поссорились всё из-за того же переезда в Москву, Нина не видела в нём острой необходимости, Пашка разозлился и заявил, что она гробит его жизнь и карьеру с тем же успехом, что и свою угробила. А ведь он ей в своё время говорил, какую глупость она делает!.. Нина поняла так, что под глупостью он подразумевает рождение ребёнка, а говорить это в присутствии Ариши ей показалось особенной гнусностью, о чём она Пашке и сообщила. Тот рассвирепел, схватил чемодан, покидал в него вещи и был таков. Дверью хлопнул, громко, Нина видела, как Ариша в ужасе зажмурилась, отвлекшись от своего любимого рисования. В пылу скандала Нина не заметила, что дочка водит карандашом по бумаге просто для вида, а на самом деле сидит, сжавшись от страха. Но когда отец ушёл, она не заплакала, хотя в тот момент Нина от неё этого ожидала. Но Арина не заплакала, она никогда не плакала. Может, если бы заплакала, как нормальный ребёнок, ей стало бы легче.

Совсем Пашка из их жизни не исчез, позвонил через неделю, достаточно поостыв и обдумав всё, и после недолгого хождения вокруг да около, предложил развестись. Ведь он вряд ли вернётся, теперь он работает и живёт в Москве, и его это более чем устраивает. А тянуть за собой нежелающих, уговаривать, тратить на это силы, он не будет.

– Я буду присылать деньги, – заверил он, и Нине послышалось в его голосе огромное облегчение. Он был рад, что она просто согласилась на развод, не стала просить, умолять, а уж тем более угрожать. Поторопился трубку повесить, успокоив свою совесть обещаниями помогать и не забывать, что он всё-таки отец, а Нина замерла в тишине и долго смотрела в окно, пытаясь принять случившееся. Раскисать было нельзя, думать о том, что потеряла и как ей теперь с этим жить, тоже нельзя. Нужно как-то выстраивать жизнь без мужа. Надо сказать, что после расставания с Пашкой прошло восемь месяцев, а она так и не придумала как. По-прежнему жила в съёмной квартире, каждый месяц по крохам собирая деньги на оплату аренды, нашла вторую работу, но легче не становилось. Почему-то. И сегодня, находясь в кругу родных, вместо того, чтобы расслабиться и получить удовольствие от общения с ними, думает о том, что будет делать через неделю, когда хозяйка придёт за квартплатой. В кошельке пять-

сот рублей, дома, между страниц книжки, ещё пять тысяч, а где брать остальное – не понятно. До зарплаты ещё две недели.

Данила пробежал мимо крыльца, в руках водяной пистолет, увидел деда и, от переизбытка эмоций, прокричал громче, чем следовало бы:

– Я спрячусь за сараем, только вы им не говорите! – Он припустил по дорожке в огород, а Нина на отца посмотрела, когда тот довольно хохотнул.

– А то они так не слышали.

В подтверждение его слов мимо пробежали Ира с Димой, за домом послышались весёлые возгласы, возня и смех, а Нина мысленно сказала себе, что она не права, испытывая раздражение из-за детского смеха. Всё из-за настроения и не отпускающей тревоги. Но всё как-нибудь устроится, она что-нибудь придумает, обязательно. Или Пашка объявится. Пока шла через сад, к старой беседке, думала о том, куда же бывший муж пропал. Уже два месяца от него ни слуху, ни духу, даже телефон не отвечает. Номер, что ли сменил? Что ж, Пашка вполне мог. Но просто пропасть, зная, что им нужна его помощь, хотя бы разовая, это свинство. Начала мысленно прикидывать, кто из их общих знакомых может знать, где искать его в Москве. С кем он сохранил отношения? Ей на ум даже пары человек не приходило, если честно.

Дочка сидела за облезлым дощатым столом, в тени декоративного винограда, щедро увивавшего беседку, и с увлечением рисовала. Кажется, за последний час, как Нина её здесь оставила, она даже головы не подняла. Не слышала весёлых криков двоюродных братьев и сестры, носившихся мимо, не обращала внимания на взрослые разговоры неподалёку, её ничего не интересовало, кроме своего занятия. Даже когда Нина присела рядом, не посмотрела на мать. Нина заглянула в альбом, улыбнулась краешком губ, разглядывая нарисованного соседского котёнка, потом взгляд остановился на лице дочери, она подняла руку и осторожно отвела от её щеки прядь волос. Ариша потёрла ладошкой кончик носа, затем неуютно повела плечом, отгораживаясь от материнского прикосновения. Нина тут же руку опустила. Похвалила:

– Хорошо получилось.

Ариша не ответила, словно и не слышала, а карандаш продолжал скользить по бумаге, оставляя чёткие линии в нужных местах. Котёнок на рисунке на самом деле был очень похож, даже взгляд, как у живого, настороженный, но в то же время любопытный. Котёнка они увидели сегодня утром, он выскочил на дорогу, когда Нина с Ариной подходили к дому родителей. Увидел их, важно выгнул тощую спинку и даже пошипел, а потом уставился на них огромными глазами. Арина несколько минут его разглядывала, отказываясь уходить, даже бабушка с дедушкой, которые вышли ей навстречу, и которых она не видела больше трёх месяцев, её не заинтересовали. Она стояла и смотрела на котёнка. А Нина, видя в глазах родителей непонимание на такое поведение внучки, снова почувствовала неловкость. Она всё никак не могла им объяснить, что такое поведение не от плохого характера и избалованности, просто... у неё такой ребёнок. Да, Арина вся в себе, она замкнута, не разговорчива, сосредоточена на своём внутреннем мире, она даже разговаривает очень редко. И это не болезнь, врачи говорят, что не болезнь. Называют девиантным поведением, поведением, не укладывающимся в общепринятые нормы. Но Нина предпочитала считать, что её дочка особенная. У неё талант, она великолепно рисует, как научилась карандаш в руке держать, так и не выпускает его, рисует везде и всегда. Остальной мир её не интересует, она не сосредоточена на происходящем вокруг, ей необходимо постоянство, как фон, из-за этого любое изменение в привычном укладе жизни выбивает ее из колеи. С такими детьми трудно, родители не мечтают иметь ребёнка с такими проблемами, этого не выбираешь, но станешь ли любить своего ребенка меньше, понимая, что он другой, что он отличается? Нина любила больше. Заботилась больше, оберегала, и не верила, когда говорили, что Ариша не замечает ее стараний. Конечно же она

все замечает! И с ней она общается, пусть не часто и через силу, но говорит, и за руку берет, но чаще всего приходит к ней под утро в постель, и это, зачастую, самые приятные минуты дня.

Но все-таки это причуда судьбы. Ариша внешне очень похожа на нее в детстве, но от живости Нины, от ее непоседливости, любви к музыке и танцам, и следа нет. Родители удивлялись тому, насколько тиха их внучка, заметили это, еще когда Арина была совсем маленькой. Папа даже как-то сказал, что в их семье он такого не припомнит, наверняка это Пашкины гены. Сказал, и не понял, как сильно этими словами Нину обидел. Ее задевало, что родители относятся к ее ребенку с настороженностью. Всегда сравнивали ее с остальными внуками, пытались заманить Арину в общую шумную игру, и снова непонимающе хмурились, когда она молча отворачивалась и вновь тянулась за альбомом и карандашами.

– Ей будет тяжело учиться, – сетовала мама. – Нина ты должна об этом задуматься.

– Я думаю, мама.

– И что ты думаешь?

Нина сделала осторожный вдох, пытаясь усмирить раздражение.

– Мы ходим к психотерапевту, Аришу готовят к школе.

– Но она не говорит!

– Она не хочет, – вступалась за дочь Нина. – Врач говорит, что заставлять ее не нужно, Арина сама знает, когда нужно что-то сказать.

– И как ты объяснишь это учителям?

– Мама!.. Она сдала вступительный тест на отлично, она читает с четырех лет, она пишет и считает. Не надо мне говорить, что мой ребенок не соответствует! Это не так. Почему вы с папой не верите? Просто она такая...

Родителей эти объяснения не устраивали, они поджимали губы, хмурились, и жили в уверенности, что Нина просто позволяет девочке так себя вести. Не принимает кардинальных мер и тем самым запускает ситуацию. Вот только какими должны быть эти кардинальные меры, не объясняли. Что, заставлять ее играть и веселиться, заставлять быть, как все?

Нина погладила дочку по голове, откинула за ее спину темную косичку.

– Ты кушать хочешь? Дядя Вова сейчас пожарит шашлык, и сядем за стол. Не забудь руки помыть, хорошо?

Арина коротко кивнула, продолжая рисовать. Потом быстро глянула на мать, будто почувствовала её тревожное состояние, и перевернула страницу альбома, показывая ей другой рисунок. Нина невольно улыбнулась, разглядывала нарисованный родительский дом. Рисунок не был закончен, не хватало деталей, но был вполне узнаваем, яркие краски радовали глаз.

– Очень красиво, закончишь, подарим бабушке с дедушкой.

Может это их порадует.

Выйдя из беседки, едва не столкнулась с детьми, торопливо отступила, глаза подняла и увидела Марину, Вовкину жену. Марина была приятной во всех отношениях женщиной, улыбчивой, добродушной, настоящей матерью семейства, Нина не могла не признать, что она идеально подходила её брату. Правда, иногда Нине казалось, что Марина слишком часто первой уступает мужу, если возникает спорная ситуация, но, может, так и надо? Может, в этом и заключается секрет семейного счастья? Вот у них с Пашкой без споров никак не получалось. Поженились, едва Нине восемнадцать исполнилось, и без конца спорили и что-то доказывали друга другу, но тогда, по молодости лет, это совершенно не тяготило, а уж тем более не тревожило. Нина помнила, как снисходительно улыбалась матери, когда та пыталась выразить сомнение по поводу правильности такого поведения. В то время Нина была уверена, что это не ссоры и не ругань, это самая настоящая страсть. Они с Пашкой – творческие личности, им нужно гореть, нужно сталкиваться с треском, чтобы искры летели, из этих искр рождалось пламя, так необходимое их танцам. До рождения Ариши они жили в атмосфере ссор, творческого несогласия и бурных примирений, Нина знала, что мужа это более чем устраивает,

и когда она, став матерью, начала смотреть на их споры под другим углом, его это начало раздражать. При ребёнке нужно было держать себя в руках, не кричать и не буйствовать, даже если всё это делалось для создания атмосферы, и закончиться должно было весьма пикантно и приятно. Став родителями, пришлось взрослеть. Нине пришлось, Пашка сопротивлялся, как мог, и весьма в этом преуспел.

Марина остановилась, когда дочь догнала её и обняла за ноги, подняла повыше блюдо со свежими овощами, которое в руках держала, а ребёнка пожурела:

– Ира, я же просила вас не шуметь, а вы опять кричите.

– Это не я, мам, это они!

– Они, – проговорила Марина, качнув головой. – Тогда скажи им, что папа ругается. И хватит уже носиться по участку, – повысила она голос, чтобы сыновья услышали, – мойте руки и за стол!

Нина заставила себя улыбнуться, встретив взгляд золовки, сунула руки в задние карманы джинсов и качнулась на пятках, неожиданно почувствовав себя гостьей в родительском доме.

– Помочь?

Марина расцепила руки дочери и направилась к столу.

– Не надо, я всё уже приготовила. А ты отдыхай. – Она обернулась на Нину через плечо. – Приезжаешь редко. Ты хоть отдыхаешь?

– Отдыхаю, конечно. – Нина присела на край лавки у стола, принялась передвигать тарелки, чтобы хоть что-то сделать. – В выходные.

Марина понимающе улыбнулась.

– Они у тебя есть?

– Пара раз в месяц случается, вот как сегодня.

Марина от души вздохнула, окинув Нину быстрым взглядом.

– И ни одного лишнего килограмма. А я прям не знаю, что делать, Нин.

Нина сложила руки на столе, усмехнулась.

– Отстань. Вот если бы я троих родила...

– Тебе бы всё равно ничего не было, – уверенно проговорила Марина, одёргивая шёлковую кофту на пышной груди.

Нина рассмеялась.

– Ещё неизвестно. А ты не комплексуй, ты отлично выглядишь. Тебе идет, ты так мило смотришься. И Вовка, кажется, совсем не против.

Марина возмущённо фыркнула, услышав последнее замечание.

– Попробовал бы быть против. – Она сдвинула тарелку с нарезанным хлебом на край стола, а на сестру мужа бросила быстрый взгляд исподлобья. – А ты, не собираешься?

– Что?

– Второго родить. Говорят, Пашка новую работу нашёл.

Нина неуютно заёрзала, глаза отвела, а говорить начала намеренно небрежным тоном:

– Да что эта новая работа. Пока ничего определённого. А рожать детей надо, чувствуя уверенность в завтрашнем дне. У меня её нет. Квартиру снимаем, деньги... то густо, то пусто. Так что, сама понимаешь...

Марина покивала, но Нина была уверена, что всерьёз её слова не приняла. И под конец заявила:

– Арише нужен братик. Или сестричка. Уверена, она была бы рада. И на пользу бы ей пошло. Один ребёнок в семье – это неправильно.

– Может быть, – пробормотала Нина, надеясь, что на этом неприятный для неё разговор закончится.

От нравоучения родственников никуда было не деться. Нина уже много лет, приезжая к родителям, заранее настраивала себя на то, чтобы спокойно выслушать их наставления,

и не принимать близко к сердцу услышанное. Наблюдала со стороны за чужим бытом, семейным укладом, но не завидовала, и анализировать не пыталась. Она не завидовала брату, понимая, что если бы на неё, в своё время, свалилось такое семейное счастье, то она, по своей глупости и неусидчивости, вряд ли бы сумела его оценить, всегда мечтала бы о большем. В родном городе, с населением в тридцать тысяч человек, она бы задохнулась. После развода у неё мелькнула мысль, плюнуть на гордость, и вернуться под крыло родителей, ведь они приняли бы её без вопросов, правда, ей до конца жизни пришлось бы слушать, что они были правы, всегда видели Пашку насквозь, и не верили в их «счастливую звезду» и заоблачные гонорары. Зато ей не нужно было бы ломать голову, где брать деньги и как справляться одной со сложным ребёнком, можно было хотя бы часть сложностей и ответственности переложить на близких, но эта мысль в её голове не задержалась. На одно мгновение представила свою жизнь через несколько лет, себя на знакомых с детства узких улочках, на которых нет ничего интересного, только серые панельные дома и старые одноэтажные домики на окраинах, и стало тошно. Там не будет возможности даже детей танцам учить, у единственной в городе средней школы нет средств содержать танцевальный класс. И чем она займётся? Пойдёт работать на швейную фабрику, как большинство её знакомых, или продавцом в ларёк? Нет, ни за что. Она в лепёшку расшибётся, но не вернётся. Будет бороться, придумает что-нибудь, но будет заниматься танцами, а Арину отдаст учиться в художественную гимназию. Найдёт деньги. Заработает. И Пашку к стенке припрёт, но не позволит ему плюнуть на образование дочери. Их ребёнку тоже дан талант, и от этого нельзя отмахнуться.

Родители не подвели, и весь вечер вполголоса рассуждали о том, как неправильно она живёт, и жаловались на то, как их это тревожит. Нина едва дождалась момента, когда все начнут укладываться спать. Уже жалела, что постеснялась и не собралась в обратную дорогу в этот же день. Может, и нужно было бы, хотя дома никто не ждал. Но и на даче родителей спокойно не спалось, не смотря на свежий воздух и стрекот кузнечиков за окном. Кроме их сомнительной музыки, тишину ночи больше ничто не нарушало. Кажется, спи не хочу, но нет, Нина лежала, уставившись в темноту, слушала дыхание дочери, которая спала с ней на одном диване, а думала опять же о том, как наладить свою жизнь. Вот такие глобальные размышления, лежа на стареньком диване, её одолевали. Ненавистный вопрос: где взять денег. Он не давал покоя, не позволял уснуть, и пугал. Это было хуже всего: она начинала бояться. Не смотря на все свои честолюбивые решения и планы, она начинала отчаянно бояться того, что не справится и подведёт дочь. Ведь она единственная, кто может устроить её будущее, а она боится. Хорошая мать не должна бояться, она должна что-то делать.

На следующий день отец подошёл к ней, когда она была одна, и, оглянувшись для начала за своё плечо, поинтересовался:

– У тебя деньги есть? Я дам, у меня есть немного, от матери припрятал.

У Нины в горле ком встал. Она замерла, стоя к отцу спиной, прижала к себе кофту дочери, которую складывала, прежде чем положить в сумку, и на короткое мгновение возник соблазн проявить слабость и согласиться взять деньги, но тогда пришлось бы признаться в том, что всё не так терпимо в их жизни, как Нина уверяла родителей весь вчерашний день. Про хорошо и говорить пока нечего, слова «новый проект» набили оскомину, столько раз она их произнесла за последние сутки. Поэтому покачала головой, отказываясь.

– Спасибо, пап, но не надо. Нам хватает.

Фёдор Николаевич взглядом её посверлил, после чего потёр поросший щетиной подбородок.

– Ну, смотри. Моё дело предложить, как говорится.

Нина погладила его по руке и улыбнулась.

– Спасибо, пап.

Выходя за калитку и оборачиваясь, чтобы помахать всем на прощание, Нина поклялась себе, что в следующий свой визит обязательно во всём признается. Расскажет про Пашку, про работу. Нельзя же вечно скрывать?

Ариша не отставала от неё, шла быстро, неся на плече тонкую папку со своими рисунками. Она очень её любила, не смотря на то, что папка была большая и неудобная для шестилетнего ребёнка, но Арина всегда сама её носила, вешая на плечо и прижимая локтём к боку, а удивлённые взгляды незнакомых людей попросту игнорировала.

До своего города добирались больше четырёх часов. На электричках, с пересадкой, в компании огромного количества дачников. Люди входили и выходили, ставили в проходе сумки, рюкзаки и корзины, вздыхали и даже жаловались вслух порой, а Нина смотрела на дочь, сидящую напротив, та смотрела в окно и мотала ногами. Иногда Нина завидовала её умению отгораживаться от окружающего мира, ей самой порой до безумия хотелось покоя и безразличия ко всему. Но себе она этого позволить не могла.

– Зайдём в магазин, – сказала она дочке, когда они вышли из автобуса на своей остановке. Остановились, пока Нина проверяла на месте ли кошелек. В автобусе ей показался подозрительным паренек, который тёрся рядом с ней, не сдвигаясь в сторону ни на сантиметр, как Нина его локтём не пихала. Но кошелек был на месте, и это вселяло надежду, что этот мир ещё не окончательно ожесточился против неё. – Купим хлеба и молока. И кекс с брусникой. Ты хочешь кекс, Ариш?

Арина перестала разглядывать доску объявлений, подумала и кивнула.

В мини-маркете на углу их дома, Арина привычно направилась к стенду с журналами, а Нина быстро прошла между стеллажами, складывая в корзину нужные продукты. В этот магазин они заходили почти каждый день, и поэтому отлично знали, что и где лежит, к тому же продавцы к ним привыкли и никогда не ругали Арину за то, что она берёт с полки журналы и разглядывает картинки. Делала она это всегда очень осторожно и аккуратно возвращала на место, не нанося никакого ущерба, а порой ещё и конфету получала от доброго охранника Вадима Николаевича.

Оказавшись дома, первым делом проверила автоответчик. Пашка, мерзавец, так и не звонил. Налив дочери молока, и отрезав кусок кекса, попробовала сама дозвониться до бывшего мужа, но его телефон по-прежнему был недоступен. Нина в негодовании швырнула телефон на диван, но заставила себя промолчать, не желая пугать ребёнка грубым словом, Арина и без того поглядывала на неё насторожено. Нина заставила себя улыбнуться.

– Включить тебе мультики?

Ариша сама достала с полки нужный диск и подала ей, устроилась на диване со стаканом молока. А Нина оглядела стены небольшой комнаты. Квартира, которую они снимали, была однокомнатной, жили они здесь уже два года, что было странно, отношения с хозяйкой с самого начала не заладились. Но та их терпела, потому что платили они вовремя и особых проблем не доставляли. Но была у этой женщины отвратительная манера лезть не в своё дело. Как появлялась, так начинала глазами по углам шнырять. И ладно бы состояние своей частной собственности проверяла, а то высматривала, что новенького у них появилось, что они едят и в чём ходят. А потом ещё комментарии всякие делала, мол, молодёжь странная пошла, совершенно не умеют жить по средствам. Вот, например, зачем ребёнку дорожные наборы красок, всё равно на ерунду переведёт. Кстати, на обоях нигде не нарисовала? Что с неё взять-то, с неразумной.

На этом Нина старалась хозяйку заткнуть и вежливо выпроводить из квартиры, проживание в которой она только что щедро оплатила. И нет, её ребёнок на обоях не рисует! К несчастью, хозяйка квартиры проживала не так далеко от них, в соседнем подъезде, поэтому сталкивались они чаще, чем хотелось бы, и при каждой встрече Нина подвергалась допросу.

Ещё платила соседке, Зинаиде Тимофеевне, за то, что та за Ариной присматривала, пока Нина на работе была. Садик Ариша не посещала, не хотелось воспитателям брать на себя ответственность за проблемного ребёнка, требовали справок и разрешений, а когда Нина их приносила, пытаясь заверить заведующую, что её ребёнок совершенно нормальный, просто неразговорчивый, находили другие предлоги, вплоть до того, что Ариша своим отстранённым видом других детей пугает. Может, Нина и стала бы спорить, бороться, добиваться, но видя, что дочь не радуется посещению садика, она ещё больше закрывается в себе и пугается окриков чужих людей, сдалась, и мучить ребёнка перестала. В конце концов, до развода она работала всего два-три часа в день, и могла позволить себе взять дочку с собой в школу на урок танцев, ей так даже спокойнее было, Ариша всегда была у неё на виду. Это потом, устроившись на вторую работу, пришлось искать почасовую няню. Это было затратно и не слишком безопасно, но, слава богу, получилось договориться с одинокой соседкой Зинаидой Тимофеевной, которую Арина знала и не боялась её. Та следила за девочкой несколько часов в день, и брала недорого. Хотя, в том плачевном финансовом состоянии, в котором сейчас Нина находилась, это тоже было проблемой.

Время от времени Нине начинало казаться, что проблемы лишь множатся, обступают её со всех сторон, и круг всё сужается и сужается. В конце концов, развязка наступит.

На следующий день Зинаида Тимофеевна пришла прямо с утра. Нина от души её поблагодарила, заверила, что расплатится, как только получит зарплату, а это будет совсем скоро, и принялась перечислять, чем нужно будет покормить ребёнка, и во что одеть, если они решат выйти на улицу. Удостоверившись, что пожилая женщина всё запомнила, подошла к дочери и присела на корточки перед столиком на низких ножках, за которым Ариша обычно рисовала. Чтобы привлечь внимание дочери, коснулась пальцем её подбородка, заставляя посмотреть на себя.

– Солнышко, я пошла на работу, приду к пяти. А ты останешься с бабой Зиной. Слушайся её, пожалуйста, когда на улицу пойдёте. Не задерживайся нигде, хорошо? – Улыбнулась. – А то она не знает, что с тобой делать, когда ты увлекаешься.

Ариша внимательно мать выслушала, после чего наморщила нос. Нина тихо рассмеялась и попросила чуть слышно:

– Не скандаль. – Поцеловала дочку в щёку. – Я буду по тебе скучать.

Когда обернулась от двери, чтобы взглянуть на неё перед уходом, Ариша сидела, подперев щёку ладошкой, и смотрела на неё. Нина помахала ей рукой.

Два урока в школе прошли без всяких эксцессов. Нина наблюдала за восьмилетками, которые не особо старательно повторяли движения, что она им показывала, пару раз шикнула на зазевавшихся и сбившихся с шага, хлопала в ладоши, отстукивая ритм, а когда музыка смолкала, громко хвалила учеников, надеясь, что после похвалы у них будет больше желания прийти к ней в следующий раз. Частенько вспоминала себя в их возрасте: её невозможно было отвлечь от танцев. Но каждому своё. На перемене, когда Нина переодевалась в крохотном кабинетике за актовым залом, к ней заглянула Люда Потапова, секретарь директора школы. Нина не назвала бы их отношения крепкой дружбой, они никогда не встречались за стенами школы, но на работе, на перемене, могли выпить вместе кофе и поболтать от души. Иногда даже делились проблемами, чисто по-женски, не спрашивая совета, а желая облегчить душу.

– Ты уже бежишь? – Люда остановилась в дверях, наблюдая за тем, как Нина торопливо складывает вещи в сумку. – А я на чай тебя позвать хотела, у меня конфеты есть. Швейцарский шоколад, представляешь.

Нина кинула на неё заинтересованный взгляд.

– Это кто такой щедрый?

Люда состроила смешную рожицу.

– Да приходила мамаша одной лентяйки. Всё задабривает. Надеется, что случится чудо и в последние дни года, её чадо закончит четверть на отлично.

– А тебя-то ей чего задабривать? Ты же оценки не ставишь.

– Нин, ты не понимаешь, от меня ведь зависит, допустят её к директору или нет. Пока он для неё всегда занят.

Нина качнула головой, но улыбку прятать не стала.

– Хорошо ты устроилась.

– Да надоела она всем. Таскает и таскает конфеты, – и пояснила: – у неё магазин свой. Но какой от этого толк, если её раскрасавица вместо того, чтобы учиться, за школой чадит и плевать ей на учёбу? – Люда упёрла руку в бок. – Короче, ты на чай придёшь?

Нина застегнула молнию на небольшой спортивной сумке, выпрямилась и с сожалением покачала головой.

– Не получится, я опаздываю уже. – Взглянула на приятельницу с надеждой. – Но ты ведь оставишь мне конфетку? Я завтра приду. Никогда не пробовала швейцарский шоколад.

– Что с тобой делать, – фыркнула Потапова и взбила пышную причёску, отливающую медью. И не удержалась, полюбопытствовала: – Тебе там хорошо платят?

– Ну не то чтобы, – не стала таиться Нина, – но регулярно. Это важно.

Люда упёрла руку в бок, принимая воинственную позу.

– А твой не объявлялся?

Нина только головой покачала.

– Вот гад, – с чувством выдохнула Потапова. – Слинял в Москву, с глаз долой – из сердца вон. Хоть бы о ребёнке подумал! – Они вместе вышли из кабинета, и пошли через зал. – Кстати, ты бы поговорила с нашим директором, может, возьмут Арину в нашу школу, на льготных условиях?

Нина подавила вздох.

– Не знаю. Я ещё хочу попытать счастья с художественной гимназией. Не могут же они закрыть глаза на её способности? Нужно пройти собеседование, показать им её рисунки.

– Ну, попробуй, попробуй. Но я всё-таки почву прощупаю, остороженько, «своего» поспрашиваю.

Нина благодарно улыбнулась.

– Спасибо.

– Да чего уж там.

– И конфету мне оставь! – напомнила ей Нина, уже спускаясь по лестнице.

Люда только головой качнула, поражаясь.

– Запросы у некоторых.

Нина рассмеялась и бегом сбежала по ступенькам.

Надо сказать, что она жалела о том, что проболталась Людмиле о второй работе. Нужно было молчать, нужно было покрыть это мраком и тайной, чтобы никто и никогда даже мысли не допустил, но при устройстве зачем-то – один Бог знает, чья это была причуда! – затребовали диплом и грамоты, желая удостовериться, что берут на эту вакантную должность профессионала, и пришлось просить всю ту же Людмилу добыть их, изъять из личного дела школьного отдела кадров, чтобы продемонстрировать новым работодателям. Конечно, Нина не сказала приятельнице, где именно она собирается подрабатывать, но вопросы, которые время от времени возникали, Нину не радовали. Всё время боялась, что правда откроется, и тогда у неё могут возникнуть серьёзные неприятности, не говоря уж о позоре. Хотя, позорного в её работе ничего не было, всё те же уроки танцев, но уже не для детей. Она старалась относиться к своему делу спокойно, хотя первое время переступала порог заведения с опаской и тревогой. Её, непривычную к изнанке жизни, пугало всё, начиная с дюжих охранников со свирепыми физиономиями, до её учениц, зачастую разбитных девиц, которых порой от души смешило то, что

её, Нину, до безумия смущало. Но со временем свыклась, и с девушками общаться научилась, и охранники оказались не такими уж плохими ребятами и вовсе не свирепыми. Вот уже полгода они приветливо улыбались ей и распахивали перед ней двери закрытого мужского клуба. В баре бесплатно наливали – минералку или чай, не подумайте дурного; официантки болтали с ней, как со своей, обсуждая общих знакомых, а начальство, если можно так назвать коротышку с ехидным взглядом в поношенном джинсовом костюме, милостиво улыбалось и поглядывало с намёком. Намёки эти Нина не уважала, но ссориться с тем, кто устанавливал в этом заведении порядки, она не рисковала. Всегда старалась быть безупречно вежливой, не давая возможности приблизиться к себе ближе, чем того требовали обстоятельства. Витя Жаба, как называли за глаза хозяина этого заведения, за привычку часто моргать выпученными глазами, только с виду не производил должного впечатления, но после пятиминутного общения с ним с глазу на глаз, становилось понятно, что недооценивать его нельзя. У него не только взгляд был ехидным, он и характер имел пакостный и злопамятный, злить его было опасно, он обязательно мстил своим обидчикам, причем делал это чужими руками, что было куда опаснее. Ребятки, которые работали на него, например, все теми же охранниками, готовы были выполнить любой приказ. Им за это и платили. И это было страшно, по крайней мере Нину, пугало. Переступая порог клуба трижды в неделю, Нина всеми силами старалась ни к чему не прислушиваться и не приглядываться. Она приходила работать, учить девушек-танцовщиц стриптизу, работала с ними над пластикой, ставила им танцевальные номера, и торопилась убежать, хотя Витя время от времени и пытался поговорить с ней по душам. Делал комплименты, улыбался и окидывал ее многозначительным взглядом. Сулил золотые горы, но Нина лишь вежливо улыбалась и торопилась уйти от него. Говорила о муже и ребенке, и в шутку удивлялась, как Вите могло прийти в голову предложить матери семейства подобное. Она сама уже давно не в форме. После этих слов Витя всегда насмешливо фыркал.

– Большинство моих девочек правую руку бы отдали, чтобы быть в твоей «не в форме».

– Зачем они тебе, без рук? – смеялась Нина, и поспешно выскальзывала за дверь его кабинета.

Несмотря на то, что Витя всегда относился к ней достаточно лояльно, и дальше пристальных изучающих взглядов и шуточек с намёком на сальность, дело не заходило, Нина его опасалась. Никогда не знаешь, что у таких людей на уме, они очень опасны. Даже его потёртый джинсовый костюмчик сорок четвертого размера из-за тщедушности его хозяина, обмануть не мог. Витя мог позволить себе многое, наверное, слишком многое, отсюда и его наплевательское отношение к внешнему виду. Жабке уже не нужно было что-то кому-то доказывать, он уже давно это сделал. И какими методами он пользовался для этого, ни одному нормальному человеку узнать не захочется. Вот и Нина не хотела знать. Старалась быть вежливой и незаметной, если это возможно, конечно, находясь в одном из самых злачных мест большого города. Хотя, девочки, с которыми она работала, уверяли, что оно не столь и злачное, скорее уж наоборот, престижное, если этот термин можно отнести к ночному клубу со стриптиз-программой. Здесь вечерами частенько появлялись субъекты определённой репутации, при деньгах и возможностях. Получить здесь работу считалось удачей, даже официантки держались за место, но для того, чтобы удержаться здесь и не вляпаться в неприятную историю, надо иметь голову на плечах и уметь держать язык за зубами. Об этом Нину предупредили сразу, а как только предупредили, так она и перепугалась. Затравленно оглядывала кабинет Вити Жабы при первой встрече, слушала речь хозяина, и думала, выберется ли она отсюда живой. К её удивлению, выбралась, уже через двадцать минут спокойно вышла на улицу, сощурилась на ярком солнце, и мысленно поклялась себе, что никогда сюда не вернётся. Не хватало ей ещё стриптиза в послужной список неудач, но не смотря на свой страх и заверения своей совести в том, что позвонит завтра и откажется от работы, задавив свои страхи каблуком, пришла через два дня, чтобы провести первый урок. Пашка тогда в первый раз исчез надолго, и нужно было как-то выживать.

А Витя Жаба готов был платить за её дипломы, грамоты и профессионализм. Наверное, для него одного она всё ещё оставалась танцором А класса, то есть достойной обучать его девочек стриптизу. Когда предложение поступило, Нина попыталась донести до Вити, что о стриптизе знает столько же, сколько и он, а, скорее всего, даже меньше (она же не владеет стриптиз-клубом, в конце концов), вот только его снисходительный взгляд говорил о том, что в его понимании балльные танцы и стриптиз стоят неподалёку друг от друга, если это вообще не одно и то же. Как он однажды выразился: не велика наука задницей крутить. Помнится, тогда Нина впервые осмелилась ему возразить и поинтересовалась, зачем же тогда его «девочкам» педагог-профессионал. После короткой паузы, Витя осклабился и беззлобно посоветовал:

– Не умничай.

Она не стала умничать. Ещё раз всё хорошенько обдумав и взвесив, скачала из интернета видеокурс стриптиза, так сказать, «для чайников», просмотрела без особого интереса, а на следующий день лично опробовала шест. Впервые, чувствуя себя глупо под взглядами танцовщиц из клуба, которые вроде бы собрались на урок, а пришлось наблюдать за первыми попытками покрутиться у шеста своего преподавателя. Нина чувствовала ужасную неловкость, было стыдно, а ещё внутри появилось ощущение того, что она делает нечто запретное, грязное. Девушки в откровенных нарядах собрались вокруг, наблюдали за ней и посмеивались, а она, переполненная унижением и в то же время решительностью, отрабатывала самые простые движения. Видимо, из вредности и женской солидарности, сговорившись, ей не давали советов и не собирались помогать, пришлось осваивать, как оказалось, серьёзную науку самой. И к удивлению и некоторому личному неудовольствию, стало получаться. Уже через неделю она чётко и уверенно раздавала советы и наказания девушкам, оттанцевавшим у шеста не один месяц, а то и год, что-то даже показывала сама, и уже запросто могла представить себе новый номер, в уме рисуя последовательность движений, и понимая, насколько осуществимы её задумки, справится ли та или иная девушка с предложенной программой.

Спустя три месяца работы в клубе, получая у Вити зарплату, попала в неловкую ситуацию. Жаба выложил перед ней деньги, а когда Нина протянула за ними руку, пальцем их придержал. Нина замерла, в непонимании и тревоге вскинула на него глаза, а Витя улыбнулся. Лучше бы он этого не делал, получалось у него это довольно мерзко.

– Сколько ты хочешь? – спросил он, а Нина нахмурилась. Осторожно кивнула на деньги на столе.

– Зарплату хочу.

Витя усмехнулся, разглядывая её.

– В золоте ходить будешь, с головы до ног. Хочешь?

Нина руку от денег убрала и на всякий случай от стола отступила.

– Вообще-то, нет. Никогда и не мечтала.

– Да прекрати ты кривляться, я же серьёзно предлагаю. Два номера за вечер, сама себе хозяйка, и больше в зале вообще можешь не появляться.

Она натянуто рассмеялась.

– Да ты что, Витя? Какая из меня стриптизёрша? Ты же видел, я с азов здесь начинала, не знала, с какой стороны к шесту подойти. – Ещё мечтала о том, чтобы Жаба пошутил, но он смотрел серьёзно.

– Научилась быстро, – сказал он, а от его тона мороз по коже.

Нина глубоко вздохнула, не зная, в какой угол ей взгляд отвести. Потом решила поговорить с ним начистоту. Зачем с «хорошим» человеком отношения портить, правда?

– Я не смогу, Вить. Я себя знаю. Я в зал выйду и... всё.

Он продолжал разглядывать её, и во взгляде появлялось всё больше любопытства.

– Да вроде не девственница, ребёнок есть. Чего стесняешься-то?

– Причём здесь это? – попыталась возмутиться Нина, щёки загорелись, и она всё на свете прокляла, зажмуриться хотелось.

Он плюхнулся в дорожное кресло из натуральной кожи, поглядывал на неё теперь снизу. Взгляд бесстыдно остановился на груди, и Нина внутренне подобралась. И ещё раз решительно заявила:

– Не смогу.

– Ну что ж, я подожду.

Посмотрела с мольбой.

– Прекрати меня смущать. – Деньги со стола взяла и поторопилась отступить к двери. Не забыла улыбнуться напоследок. Нужно быть благодарной за соблазнительное предложение, их не всем делают, тем более горы золота не обещают.

Наверное, нужно было радоваться, что Витя оказался не таким поганцем, как все вокруг говорили, не доставал, не заставлял и не угрожал. Нина старалась на опасные темы с ним не разговаривать, ни с какими просьбами к нему не обращаться, держалась как можно более независимо, но иногда ей всё-таки казалось, что её старания бесполезны, Жаба прекрасно знает обо всех её трудностях. Может, и, правда, выжидает, а может просто привык быть в курсе того, чем живут люди, которые в той или иной степени его интересуют.

Но шило в мешке не утаишь, и как Нина не старалась, среди знакомых в танцевальном кругу пошёл слух о том, где она сейчас «танцует». Что самое странное, что она ни с кем из них не общалась, не встречалась, даже случайно, а до бывшего мужа новость как-то дошла. В Москву дошла! Пашка приехал и устроил ей скандал, кричал, что она его позорит, и окончательно ополоумела, раз подалась в стриптиз.

– А что мне делать? – спрашивала она у него. – Скажи: что? Тебя не было полтора месяца, ты даже не звонил. А деньгами, что я в школе получаю, квартиру не оплатишь. И ты прекрасно это знаешь! Так что нечего на меня тарашиться. Или тебе было бы легче, если бы я пошла улицы мести? – Нина упёрла руку в бок и взглянула достаточно воинственно. – Но там тоже столько не платят.

Пашка скрипнул зубами.

– Нина, это позор на весь город.

Она поджала затрясшиеся губы, затем вздёрнула подбородок.

– А какое тебе до этого дело? Ты больше не живёшь в этом городе. И ты мне не муж. Так что, заткнись.

– То есть, мне должно быть безразлично, что бывшая жена на панель пошла?

– Что ты мелешь? – Нина до предела понизила голос, и от этого он прозвучал очень угрожающе. – Ты всерьёз думаешь, что я могла бы в проститутки податься? Ты, который переспал, наверное, со всеми танцовщицами города, ты мне говоришь, что я шлюха?

Пашка отвернулся от неё, руки в бока упёр и зло выдохнул. Но всё же решил забрать свои слова обратно.

– Я не обвиняю. Я тебя знаю...

– Правда? – поразила Нина, мечтая огреть его чем-нибудь по голове.

– Да! – выкрикнул он и наградил её злым взглядом. – Но другие не знают, и твоя работа в «Тюльпане»... Каждая собака в городе знает, что это за место!

– И ты знаешь? Тогда расскажи мне.

Он выдохнул ей в лицо:

– Дорогостоящий бордель. Или ты не понимаешь этого, не видишь, с кем общаешься?

Нина сжала руки в кулаки.

– Мне плевать. Вот плевать, понимаешь? Я уже дошла до такого состояния, когда мне плевать, кого учить танцевать – детей или проституток. Вот если бы ты был на моём месте, думал бы целыми днями, чем платить за квартиру и чем кормить ребёнка, вот тогда бы я на тебя

посмотрела. А ты свалил в Москву, приехал оттуда такой чистенький и меня учишь жить. Я тебе ещё раз говорю: пошёл ты на хрен.

Бывший муж досадливо поморщился, он терпеть не мог, когда она ругалась матом, Нина это знала и иногда это знание использовала против него. Пашка отошёл к окну, отвернулся от неё и замолчал, а Нина горько усмехнулась. На диван села, вцепилась в потёртый подлокотник дивана и стала смотреть в стену напротив. Молчали долго, после чего Пашка повернулся, посмотрел на неё, хотя, скорее смерил долгим взглядом, и сказал:

– Делай, что хочешь.

Нина даже рассмеялась.

– Спасибо, любимый. Я и делаю, что хочу. Знаешь почему? Потому что выбора другого нет. – Встретилась с ним взглядом и кивнула. – А теперь скажи, что я сама во всём виновата. Ты ведь так любишь это повторять.

Он не ответил, достал из кармана конверт с деньгами и положил на стол. У Нины от обиды глаза зашипало, слава Богу, Пашка засобирался и ушёл. Видно, смотреть на неё ему тошно было, побоялся, что она и его удачу спугнёт. А ведь когда-то Нине казалось, что чрезмерное тщеславие, присущее её мужу, непременно поможет им в жизни. Как дура верила, что они всегда будут вместе. Готова была прощать, ждать, верить в него, уверенная, что он старается для них троих, но жизнь показала, что главной Пашкиной любовью был он сам. Его и сейчас не слишком волновало, как она решает проблемы, свалившиеся на неё после развода. Важнее было, что думают люди, обсуждая её жизнь и припоминая его имя в связи с ней.

В последние дни она без конца вспоминала бывшего мужа. Он не давал о себе знать уже месяц, а ей оставалось гадать, то ли совсем забыл о них с Аришей, то ли нагрянёт со дня на день, всерьёз уверенный, что осчастливит их своим появлением. Как же, благодетель вернулся! И даже не спросит, что происходило в его отсутствие. Нина со временем начала приходить к выводу, что он своим мнимым безразличием к их жизни, пытается её наказать. Мол, попробуй каково это, тянуть на себе семью; хлебнёшь без меня в полной мере; ещё спохватись, пожалеешь, что вовремя не прислушалась и не сделала так, как я говорил.

Снова подумав об этом, почувствовала тупое раздражение, стремительно разрастающееся внутри. Пальцы больно обхватили ручку тяжёлой входной двери «Тюльпана», головой мотнула, приказывая себе оставить свои проблемы за порогом, и сосредоточиться на предстоящем уроке. Сегодня она должна показать девочкам новые движения, а это требует внимания.

– Привет, Нинок.

Улыбнулась попавшемуся встреч охраннику, пересекла тёмный холл, а оказавшись в зале, громко поздоровалась:

– Привет, девочки. Все готовы?

В ответ раздалось разноголосое щебетание, Нина свою сумку на стол поставила и вздохнула, разглядывая «учениц», в разной степени раздетости. А что такого? Работа, как работа.

– Жмот он. Урод и жмот. А ты дура, если думаешь, что сможешь выбить из него хоть на копейку больше, чем я.

– Ритка, ты достала, честное слово. Ну кинул тебя Изланов, так что ж ты его хаишь на каждом углу? Он ведь тебе не муж. У него дома есть кое-кто поважнее тебя. Вот ей он брюлики и покупает, а тебе что подешевле.

Нина, сидевшая в углу и молча слушавшая болтовню стриптизёрш, встретила глазами с одной из них, Гретой, и обменялась с ней понимающей улыбкой. Грета была самой старшей среди девушек, опытной во всех вопросах, и зачастую играла роль рефери. Если необходимо, давала совет более неразумным и сомневающимся, других по углам разводила, когда ссора начиналась, а то и прикрикнуть могла. И вот если бы Пашка её высказывания услышал,

точно бы пятнами пошёл и почувствовал себя оскорблённым в своих лучших чувствах. Интеллигент фигов, с праведной злостью подумала Нина.

Девушка, которой Рита, разухабистая рыжеволосая особа, высказывала своё «фи» по поводу её нового ухажёра, повернулась, совершенно не стесняясь того, что стояла без бюстгальтера, и высокомерно заявила:

– Уж не дурее других. И нечего мне советы давать. Нашлась мамочка.

– Какая я тебе мамочка? – взвилась Рита, всерьёз оскорбившись. Она вообще всегда очень остро реагировала на любой намёк на свой возраст. Что Нину, например, удивляло. Как она к Рите не присматривалась, больше двадцати пяти ей дать было нельзя. Или для стриптиза это старость? Тогда она уже точно старушка, никому ненужная. И что Жаба к ней пристаёт? Ей через четыре месяца двадцать семь.

– Как вы все достали! – повысила голос Грета и добавила ещё кое-что, от души.

Нина брови вздёрнула, услышав новое для себя выражение, потом фыркнула от смеха. А Грета, довольная тем, что спорившиеся разошлись в разные стороны и замолкли, присела рядом с Ниной.

– Достали меня, дуры крашенные, – проговорила она тихо, только для Нины. – Понаберут деревенщин, не знаешь, на каком языке с ними разговаривать. Витя спятил совсем.

Нина локтем её толкнула.

– Тише ты.

Грета отмахнулась, потом потянулась за сигаретами.

– Ну и чего у тебя?

– Да ничего, всё как всегда.

– Спятила ты тоже совсем. – Посмотрела с сомнением, затем предложила: – Давай я тебе денег дам? Отдашь, когда сможешь.

– Не надо. Я ведь не знаю, когда смогу.

Гретка развернулась к ней лицом, пристроив локоть на спинке дивана. Дым в сторону выдохнула.

– Ты неправильно с ним разговариваешь. Надо было взять его за яйца, лицом к ребёнку развернуть и сказать: ты, вражина, что же творишь? Твой ребёнок есть не должен из-за того, что ты в Москве задницей крутишь?

– Грета, ты говоришь, как Витя.

Она в некоторой досаде разогнала сигаретный дым рукой.

– Что тебе на это сказать? Как говорила моя бабушка: с кем переспишь, от того всего и наберёшься.

Нина усмехнулась.

– Хорошо, что у меня не было такой бабушки.

– Может быть и хорошо. Хотя, глядя на тебя, я бы этого не утверждала. – Грета ногу вытянула, демонстрируя бирюзового цвета туфлю на устрашающей длины каблуке. – Видала? Штука баксов.

Нина туфлю послушно разглядывала, после чего подтвердила:

– Да, месяц моей спокойной жизни.

– Тебе Витька предлагал?

Нина поспешила с дивана подняться.

– Я не хочу об этом говорить.

– Да, у тебя ведь воспитание! – громче, чем Нине хотелось бы, проговорила Грета, привлекая к их разговору ненужное внимание. Девушки, переодевавшиеся в комнате, начали обобщаться и прислушиваться. – А у нас нет воспитания, нас всех на заднем дворе «Тюльпана» нашли. – Она тоже поднялась, приблизилась к Нине, и снова понизив голос, сказала: – Дума-

ешь, я мечтала у шеста вертеться? Знаешь, сколько мне лет? Нина примирительно ей улыбнулась.

– Ты красавица.

– Да знаю я, что ты подлизываешься? Тебя вот, дуру, жалко. Красивая девка, а мечешься, словно тебе деться некуда.

– Тебя Витя просил поговорить со мной?

Грета взяла её под руку, и они вместе вышли из гримёрки.

– Мне тридцать три, Нин. Сколько я ещё оттанцую?

Нина похлопала её по руке.

– Я не намного младше.

Гретка взглянула на неё возмущённо.

– Вот ты, как есть, дура. Прости Господи. Я тебе о чём говорю?

– Я не смогу, – сказала ей Нина, как всегда говорила Вите Жабе. Сказала честно и от души, а Грета вдруг жёстко усмехнулась.

– Да? Ну, значит, тебя ещё не совсем прижало.

От её слов неприятно стало. Даже когда из клуба ушла, Нина продолжала об этом думать. Двери «Тюльпана» уже были открыты для посетителей, она столкнулась с парочкой на крыльце, мужчины окинули её оценивающими взглядами, но Нина поспешила сбежать, опустив глаза и пытаясь задавить в себе неприятие. Этот разговор повторялся время от времени, то Витя его поднимал, а теперь вот Гретку к ней подослал, будто Нина была не в состоянии понять, откуда ветер дует, но она продолжала держать оборону. Притворялась непонимающей, обращала всё в шутку, но в последнее время вот это «прижало», не давало спать.

Ариша встретила её в прихожей, смотрела серьёзно, и Нина поняла, что дочка волновалась из-за её опоздания. Наклонилась к ней и поцеловала.

– Прости, малыш. Я на работе задержалась. А ты ела?

Зинаида Тимофеевна вышла из комнаты, поздоровалась, после чего сообщила:

– Я Арину покормила, не волнуйся.

– Спасибо вам. Обещаю больше не задерживаться. – Улыбнулась, но её улыбки вроде бы никто и не заметил. Арина ухватила за её руку и не отпускала, а Зинаида Тимофеевна заторопилась домой. А когда за ней закрылась дверь, Нина вздохнула с облегчением, обрадованная, что сегодня её не стали спрашивать про деньги. Нужно продержаться ещё четыре дня, до зарплаты.

– Мама. – Арина забралась на диван, устроилась у неё под боком и протянула ей открытую книгу. Нина на часы посмотрела: половина девятого, минута в минуту, по Арине эти самые часы сверять можно. В принципе, читать она сама умела, ей уже давно помощь в этом не требовалась, но это было ритуалом, с тех пор, как Ариша была совсем маленькой, Нина читала ей перед сном сказки. И до сих пор дочка сама вечерами приносила ей книгу, находила нужную сказку и устраивалась у неё под боком. Прижималась к ней, слушала очень внимательно, иногда засыпала. Нина очень ценила эти минуты, в остальное время дня Арина, казалось, отлично обходилась без неё, сосредоточенная на любимом деле.

В этот вечер настала очередь сказки про Золушку, Нина читала её дочери уже не раз, но от этого интерес Ариши к этой истории не ослабевал. Она внимательно дослушала до конца, всё это время прижималась щекой к руке матери, а когда Нина чересчур бодро произнесла, заканчивая:

– Конеч, – и захлопнула тяжёлую книгу, Ариша вздохнула. Нина заглянула ей в лицо. – Ты не спишь?

Девочка покачала головой.

– А я думала, заснула. Даже дыхание затаила. – Нина понимающе улыбнулась. – Хочешь быть Золушкой?

Арина отодвинулась от неё, привалилась к спинке дивана и поджала под себя ноги в ярких полосатых носках. Вроде бы раздумывала над вопросом, затем взглянула на мать с намёком. Нина притворно ахнула.

– Я? – Головой покачала, не скрывая улыбки. – Нет, милая, маме уже не по возрасту Золушкой становиться. Да и где я принца возьму? – Наклонилась и поцеловала дочку в щёку. – Иди, умывайся. Пора спать.

Арина с дивана слезла, направилась в ванную, но прежде чем выйти из комнаты, обернулась.

– А папа? – тихо, через силу, проговорила она.

Нина суетливо принялась доставать из шкафа постельное бельё.

– Папа? – переспросила она, пытаясь скрыть от ребёнка нервозность. – Папа работает, ты же знаешь. Но он приедет, обязательно.

Чёрт бы Пашку взял, честное слово. Нина выдохнула только тогда, когда дочка из комнаты вышла. Швырнула одеяло на разложенный диван, руки в бока упёрла и зажмурилась. Если честно, хотелось закричать. Сильнее всего давило на психику чувство беспомощности. То, что как бы она не пыталась, не получалось вырваться из замкнутого круга. Иногда казалось, что кроме мыслей о деньгах, в ней ничего не осталось. Пустота внутри и одна единственная мысль в голове. Нужно оплачивать квартиру, сеансы психотерапевта, нужно кормить ребёнка, покупать одежду, краски и дорогую бумагу для рисования, нужно самой во что-то одеваться. А теперь на пороге сборы в школу, то есть, необходимо раскрутить бывшего мужа на оплату подготовительных курсов в специализированной гимназии, а если верить Людмиле, ещё и найти деньги на вступительный взнос. Правда, Арину ещё не приняли, а этого очень хотелось. Значит, денег надо больше. А если Пашка не появится ещё месяц, два? Поневоле задумаешься: а не пойти ли на панель? Подумав об этом, Нина посмеялась над собой, открыто, не скрываясь. Из ванной комнаты слышался шум льющейся воды, и она не боялась, что Арина её злой смех услышит.

Новая неделя ничего хорошего не принесла. В выходной Нине повезло столкнуться в магазине со старой знакомой, Лариса была на взлёте карьеры, Нина была наслышана об её успехах, и даже затаённую зависть чувствовала, а оказавшись лицом к лицу с бывшей соперницей, не слишком обрадовалась. И была уверена, что Лариса тоже не слишком искренна, и её такой живой интерес к жизни Нины только от любопытства. И первым делом, конечно, ей фальшиво посочувствовали по поводу разлада в семейной жизни.

– Слышала, Пашка в Москву подался. – Лариса склонила голову на бок, разглядывая Нину. – Не понимаю, как ты справляешься.

Нина нервно огляделась по сторонам, окинула взглядом полки, заставленные банками консервированного горошка и кукурузы. Заставила себя улыбнуться.

– Да как-то. Я стараюсь.

Лариса наморщила нос, пытаясь казаться серьёзнее.

– Это правда, что вы расстались?

У Нины всё-таки вырвался вздох.

– Да какая теперь разница?

– Нет, разница есть. Если он бросил тебя с ребёнком...

– Лариса, он меня не бросал. Он уехал, ему надо заниматься своей карьерой. Да что я тебе-то об этом говорю? – Нина решила немного польстить, надеясь, что Лариса отвлечётся на себя-любимую и забудет о её личной жизни. Но куда там! Взгляд Ларисы, не смотря на сверкнувшую улыбку, остался цепким. Пришлось развивать тему дальше. – Он приезжает, но не так часто, как хотелось бы... Арише. Она по нему очень скучает.

– А ты?

Так и запустила бы ей в лоб банкой с горошком.

– Все уже знают, что мы расстались, – постаралась уйти от прямого ответа Нина.

– Что ж на тебя всё валится-то? – сочувственно вздохнула Лариса. Взглядом пробежалась по фигуре Нины, оценила джинсы с барахолки и лёгкую футболку. – А ты так в школе и преподаёшь?

Нина кивнула.

– И хватает? – Тон Ларисы показался Нине странным, но уже через пару мгновений догадалась в чём дело. Но сознаваться не собиралась, больно много чести. За спиной пусть говорят, что хотят, осуждают её, но сама она ни за что не признается.

– Не хватает, конечно. Но Паша помогает.

– Тебе нужно сменить работу. – В глазах Ларисы сверкнуло неприкрытое злорадство и намёк, и Нина вспомнила, как они, семнадцатилетние девчонки, стояли за кулисами, в ожидании начала конкурса и обменивались многозначительными взглядами соперниц, а после, совершенно одинаково замирали в последнюю минуту перед выходом, скрестив пальцы. Наверное, Лариса молилась или мечтала куда более рьяно, чем сама Нина, иначе разница в их положении и финансовом состоянии сейчас не бросалась бы так в глаза.

– Я подумаю, – пообещала Нина и начала прощаться.

– Уже убегаешь?

– Прости, на самом деле тороплюсь. Ариша с няней. Передавай всем привет.

– Обязательно. – Лариса пленительно улыбнулась ей на прощание, но Нина чувствовала её взгляд, от которого было не по себе, ещё долго. Такое чувство, будто её лягушка поцеловала – склизко, холодно и мерзко. И это притом, что Лариса на самом деле выглядела отлично: молодая, красивая, успешная, одно её портило – она знала себе цену и не умела ценник прятать, и даже шестизначная цифра на нём, положения не спасала. Хотя, не в положении Нины по этому поводу злорадствовать, на её ценнике (а он у всех есть, надо только поискать), нулей куда меньше.

А через два дня снова пришлось встретиться, причём эта встреча Нину шарахнула по голове покруче, чем метеорит, о котором утром в новостях говорили. И в этот раз Лариса признавать её не спешила. Она была в группе приглашённых директором школы гостей. Приехали журналисты, о школе должны были снимать сюжет, и Михаил Семенович, ради такого события, ходил важный, словно не директором школы был, а министром образования или, по крайней мере, в это кресло метил. Сначала присутствие Ларисы Усмановой среди чиновников, Нину удивило, но когда гостей повели в актовый зал, где в этот час занимались второклашки из летнего лагеря, поняла, что Ларису пригласили специально, чтобы похвастать и продемонстрировать разноплановость педагогического подхода. Усманова, как ей и полагалось, умилилась, даже в уроке участие приняла, попыталась научить детей нескольким па, а Нина стояла в стороне и за всем этим наблюдала, надеясь, что её не заметят. Но Михаилу Семёновичу приспичило похвастаться перед всеми её профессиональным уровнем и призовыми местами, а Нина, вежливо улыбаясь в камеру и незнакомым людям, краем глаза следила за Ларисой. Дурное предчувствие росло и разрасталось, и она никак не могла с ним справиться. И даже вздохнуть с облегчением не успела. Кажется, гости ещё по ступеням крыльца спуститься не успели, а Люда Потапова уже вошла в актовый зал, и знаком отозвала Нину в сторонку. Выглядела озабоченной, и Нина, и без того переполненная дурным предчувствием, ощутила странную горечь во рту.

– Просит, чтобы ты к нему зашла, – сообщила Люда, приглядываясь к Нине.

– Прямо сейчас?

– Да. – И тут же непонимающе прищурилась. – Что-то случилось?

– Скоро узнаем. – Нина попыталась изобразить воодушевлённую улыбку, но сама понимала, что не преуспела. По пути к приёмной директора, старалась настроиться на позитив. Не слушала наставления Люды, которая, уверенная в том, что лучше всех знает привычки

и требования Михаила Семеновича, без остановки давала ей советы. Но Нине что-то подсказывало, что советы ей не пригодятся.

Михаил Семенович встретил ее серьезным взглядом. Гости пределы школы покинули, журналисты разъехались, и, казалось бы, он должен чувствовать облегчение, но он был хмур и напряжен, по всей видимости, напоследок его чем-то расстроили. И судя по его взгляду, свое разочарование он готовился выместить на Нине.

– Проходите, присаживайтесь.

Нина коротко улыбнулась, и присела на краешек стула у стола директора.

– Нина, у меня к вам только один вопрос: это правда, что вы работаете в стриптиз-клубе?

Нина не знала, куда глаза деть. Михаил Семенович приглядывался к ней с озабоченным видом, но в то же время в глазах промелькнуло что-то вроде любопытства.

Нина постаралась взять себя в руки.

– Зависит от того, что вы подразумеваете под словом «работать».

– У этого слова много значений?

– Я там преподаю, Михаил Семенович.

Он удивленно вздернул брови.

– В смысле?

– Хореографию, ставлю девочкам номера. А если кто-то, – Нина сделала выразительную паузу, не сомневаясь, кто именно донес до директора эти слухи, – намекает на другое, то он ошибается.

Михаил Семенович в задумчивости потер подбородок.

– Вы должны были поставить меня в известность. О том, что нашли вторую работу.

– Она не официальная, – порадовала его Нина.

– Да, и это лишь усугубляет ситуацию.

– Михаил Семенович, я не делаю ничего плохого. И я не от хорошей жизни пошла туда работать. Но с зарплатой учителя танцев в школе трудно содержать ребенка и оплатить съемную квартиру. Уж извините.

– Нина, я не прошу вас извиняться. Но вы и меня поймите. Что я должен говорить родителям? Они доверяют нам воспитание детей, а их учит... – Он неловко замолчал, а Нина едва заметно усмехнулась, мысленно закончив: стриптизерша. Но все-таки еще раз повторила, проявляя упрямство:

– Я не танцую стриптиз.

– Я вправе сомневаться в ваших словах, разве нет? Сколько вы там работаете?

– Несколько месяцев, – с неохотой призналась Нина.

Михаил Семенович кивнул.

– Вот видите.

Нина вцепилась в подлокотник, пытаясь справиться с собой. Поборола желание еще раз объяснить свою трудную ситуацию, знала, что бесполезно. Да и выглядело бы это жалко. Михаил Семенович и без того разглядывал ее с по-особому неприятным сочувствием.

Нина смущенно кашлянула.

– И что теперь?

– Думаю, вы и сами понимаете. Думаю, мы могли бы замять скандал, если бы... Если бы я сам выяснил это случайно, но когда об этом уже заговорили все вокруг...

– Лариса рассказала? – усмехнулась Нина.

Михаил Семенович неуютно повел плечами.

– Я догадался, что вы с ней давно знакомы.

– О да. Та еще... змея.

– Я не настолько хорошо с ней знаком, чтобы с вами соглашаться или спорить. Но принимать на школу удар, гнев родителей, простите, не буду и не обязан.

Нина печально кивнула.

– Конечно.

– Скандал нам не нужен. Да и вам, думаю, он тоже без надобности. Я не хочу вас увольнять, Нина, у вас прекрасно получается ладить с детьми, и у вас, определенно, талант, да и как человек вы мне нравитесь, но в сложившейся ситуации, все, что я могу предложить, это увольнение по собственному желанию.

И что ей оставалось, поблагодарить за доброту? Благодарить Нина не стала, поднялась и молча из кабинета вышла. Замерла, привалившись спиной к двери. Встретила взгляд Люды, но ее даже на вымученную улыбку не хватило.

Спустя час она покинула школу, чувствуя себя так, будто ее не только оплевали, но и раздавили. Знала, конечно, что в танцевальном кругу, между уже бывших друзей и знакомых, про нее говорят, но о том, что эти разговоры могут испортить ей жизнь, когда, казалось бы, уже и портить нечего, не догадывалась. И теперь она официально безработная, с клеймом стриптизерши, пробовать устроиться в другую школу – нечего и мечтать, она отныне в черном списке, и единственная радость, что расчет дали тут же. Видимо, Михаилу Семеновичу не терпелось от нее избавиться раз и навсегда.

Переходя дорогу в толпе людей, вдруг поймала себя на мысли, что очень хочет остановиться и заорать.

Понадобилось некоторое время для того, чтобы успокоиться. Успокоиться настолько, чтобы прийти домой и казаться, хотя бы казаться, уравновешенной.

Зинаида Тимофеевна удивилась ее столь раннему возвращению, но говорить ничего не стала. Отчиталась о том, чем они с Аришей занимались до ее прихода, и вроде бы собралась уходить, но Нина ее остановила. Достала кошелек и с женщиной наконец расплатилась. Зинаида Тимофеевна заметно подобрела, даже улыбнулась куда искреннее и душевнее, чем за пять минут до этого. А Нина ее еще и поблагодарила.

– Спасибо вам большое. Не знаю, что бы я без вас делала, честно.

Женщина дружески похлопала ее по руке.

– До завтра. Я вовремя приду, а вы отдыхайте.

Нина кивнула. А когда в прихожей хлопнула дверь, вынула из кошелька оставшиеся деньги и пересчитала, будто точно не знала, сколько там. Квартиру оплатить хватит, а жить придется на то, что Витя Жабa заплатит. Вот только она с двумя зарплатами едва концы с концами сводила, а теперь что? Пойти в продавщицы, или в уборщицы?

– Как же надоело.

До боли прикусила костяшку большого пальца, потом почувствовала внимательный взгляд, голову повернула и поспешила улыбнуться.

– Что такое, солнышко? Кушать хочешь?

Ариша подошла к ней и молча прижалась. От этого еще тяжелее стало, горло перехватило спазмом. Нина сделала судорожный вдох и погладила дочь по спине.

– Ничего, я что-нибудь придумаю. Сейчас успокоюсь, подумаю хорошенько и точно придумаю. Выбора-то все равно нет.

В «Тюльпан» в этот день так и не пошла, хотя ее ждали. А Нина просто сил в себе не нашла. Накормила дочку обедом, а потом устроилась на диване, в полной тишине. Ариша рисовала за своим столиком у окна, больше ни на что не отвлекалась, и Нине поневоле пришлось сосредоточиться на своих мыслях, то есть на поисках выхода. После долгих раздумий поняла, что варианта всего три, то есть, продуктивных, еще два, то бишь, сойти с ума и умереть, она не рассматривала, все-таки желание жить и жить хорошо, пересилило пессимизм. А оставшиеся три варианта выглядели так: она все-таки возвращается в родной город, к родителям, но это уже на совсем крайний случай, потому что для нее это подобно самоубийству, все равно что поставить на своей жизни жирный крест; либо находит другую работу, не связанную

с танцами, что без образования и каких-либо навыков и других талантов, будет проблематично, если только не довольствоваться изначально мизерной зарплатой; либо взять все и сразу, при этом наступив на свою гордость, воспитание и чувство порядочности, которым она так гордилась, или хотела гордиться, потому что другого не оставалось. Хотя, о какой порядочности идет речь? Все знакомые в этом городе, судя по всему, уже поставили на ее морали крест, а все ее старания поддержать репутацию направлены только на нее саму.

Да и вообще, кому какое дело? Она знала, что все сейчас говорят о Пашке, о его карьере и его успехах, а ее уже давно записали в неудачницы, а сейчас она и вовсе брошенная жена. Которую и бросили-то, возможно, оттого, что она пошла по кривой дорожке. Что, вообще, у нее есть в жизни, кроме ребенка? Когда переехали в этот город, казалось, что перед ними все дороги открыты, и тогда она и Лариса Усманова были наравне. В те времена Лариса волновалась из-за нее, они были равными соперницами, ни в чем друг другу не уступали, а сейчас Лариса может позволить себе влиять на мнение ее начальства, директора школы, который после ее наговоров даже раздумывать долго не стал, без всяких сомнений принял ее слова на веру, и Нину в тот же день уволили. А Лариса, скорее всего, даже не задумается о серьезности сказанных ею слов, для нее это маленькая месть бывшей сопернице, которая когда-то обошла ее на первенстве.

Ариша присела рядом с ней на диван и протянула альбом с рисунками. Нина погладила дочку по голове, пролистала альбом, а Арина перевернула его на последнюю страницу. Нина вымученно улыбнулась, чувствуя, как внутри все узлом завязывается.

– Не переживай, я завтра куплю новый. – Принялась расплетать Арине косички, потом поцеловала в темную макушку. – Вот увидишь, у нас все будет хорошо. – Вздохнула. – Мама уже знает, что делать.

Знала, но перебороть себя было куда труднее. Приехала на следующий день в «Тюльпан», чувствуя себя предательницей по отношению к самой себе, но промучившись всю ночь, и перебирая в уме возможные варианты, другого выхода не нашла. Репутацию она себе точно не испортит, над ней и так в городе смеются, это в лучшем случае, а в худшем жалеют, так что стыдиться и переживать уже поздно. А это единственный шанс вырваться из замкнутого круга долгов и безденежья. Ей нужен только рывок, стартовая площадка, чтобы оторваться от Пашки и начать жить, не завися от его финансовой помощи. До этого момента никак не получалось.

Направилась напрямик к кабинету Вити. Он оказался на месте, а Нина, наверное, от волнения, забыла постучать, и поэтому растерялась, одним своим необдуманным действием отрезав себе пути к отступлению. Витя брови вздернул, реагируя на ее появление, но взглянул без всякого удивления. Только проворчал:

– Явилась. Тебя вчера ждали, драгоценная ты наша.

– Я знаю, извини.

– Знаешь, где я видел твои извинения?

Нина прошла в кабинет и дверь за собой прикрыла.

– Знаю, Вить. Просто вчера у меня был... неудачный день.

– У меня каждый день неудачный, так что нечего мне плакаться, не пожалею. И денег не дам, жди зарплаты. – Он швырнул на стол газету. – Задолбали вы, бабы, я вам что, банк?

Нина уцепилась за ремень своей сумки.

– Тогда работу дай.

Жаба в кресле развернулся, на Нину уставился, после чего прищелкнул языком.

– Что я слышу, – с ехидцей проговорил он, а взглядом принялся ощупывать ее фигуру. – Ты созрела никак?

Нина сглотнула.

– Нет. Но как Гретка говорит: меня прижало.

– Ясно. Деньги понадобились.

Нина хотела возразить, попытаться объяснить, из-за чего и ради кого она на это идет, но в последний момент поняла, что Жабе на это наплевать. Поэтому лишь кивнула.

– Да. Выпустишь меня?

Витя развалился в своем дорожном кожаном кресле и покачивался в нем, продолжая Нину разглядывать, на этот раз с удовольствием.

– Зависит от того, что ты мне предложишь.

– Шоу, – твердо сказала она. – Голых девок у тебя и так достаточно.

Витя подался вперед и навалился на стол.

– А ты у нас другая?

– Нет, Витя, я не другая! Я такая же, как они, и здесь я по той же причине: мне деньги нужны. Но я прошу дать мне шанс. Ты знаешь, что я могу. И я сделаю тебе шоу, а вот если не получится... тогда...

Она замолчала, а Витя рассмеялся, противно так, будто в предвкушении, у Нины мурашки побежали. Но, в конце концов, он сказал:

– Десять дней. Другого шанса у тебя не будет. Сколько тебе надо времени?

У Нины от волнения сердце едва из груди не выскакивало. Она знала, что Жаба согласится, но когда это произошло, поняла, что пути назад точно нет. Если она испугается и откажется, ей и в «Тюльпане» больше места не будет.

– Мне нужна неделя.

– Хорошо. – Витя был до противного спокоен и покладист. Только руку ей протянул, чтобы скрепить уговор. Нина шагнула к его столу, подала свою руку, а Жаба, вместо того, чтобы ее пожать, перевернул и приложил Нинину ладонь к своей щеке, накрыв своей ладонью. – У меня предчувствие, что мы с тобой сработаемся. Тебе понравится, Нинок.

Руку Нина отдернула, а на Жабу взглянула свысока.

– Все, что мне может понравиться, это деньги, Витя.

Он снова на кресле откинулся, а на нее смотрел с мерзкой улыбочкой.

– Я запомню.

Неделя пролетела незаметно. Так же, как и следующие десять дней. Нине казалось, что она не живет, а смотрит словно со стороны какой-то странный сон со своим участием. Первую неделю она репетировала, ставила номер, делала это отстраненно, будто не для себя, но выкладывалась по полной. Девчонки за ее спиной шептались, но она не обращала внимания, с головой ушла в работу. Иногда ловила себя на мысли, что репетирует с такой страстью и остервенением, будто к чемпионату мира готовится. День первого выхода приближался, она нервничала, ладони потели только от одной мысли о том, что придется выйти и танцевать перед мужчинами, пришедшими в «Тюльпан» с определенной целью. Но Нина старалась, старалась так, как никогда, наверное, а все ради одной-единственной возможности произвести нужное впечатление и занять свою нишу, чтобы Витя Жаба в дальнейшем остерегался трогать ее и требовать того же, что и от других девчонок. Она должна стать особенной, должна приносить больше денег, а для этого ей нужно станцевать так, как никогда до этого не танцевала. Хотя, она так никогда и не танцевала. Она никогда не танцевала стриптиз. Но не зря же знающие люди – все тот же Жаба и Гретка – говорят, что у нее талант. Нина и не спорила, талант, но как же обидно растрачивать его на потакание мужским страстишкам и грязным помыслам.

Перед первым выходом казалось, что ее стошнит. Она стояла за кулисами, чувствуя себя голой и распутной, и дышала, как перед глубоким погружением в Мариинскую впадину без батискафа и даже акваланга. Было тревожно, а страх щекотал нервы. Ее и макияж раздражал, сама себе казалась вульгарной и некрасивой.

– Выпей. – Грета сунула ей под нос рюмку коньяка.

Нина скривилась, почувствовав новый приступ тошноты.

– Не хочу.

– А ты через не хочу. – Рюмку поднесли прямо к ее губам. – Я знаю, что говорю, пей. Залпом.

Нина выпила, задышала тяжело, и на минуту показалось, что коньяк дал обратный эффект, в горле вдруг встали рыдания. Даже начала головой качать, понимая, что сейчас откажется, но Гретка вдруг стукнула ее по спине, Нина невольно сделала глубокий вдох, на глазах проступила слезы, но тут же высохли.

– Соберись. Выйдешь, оттанцуешь и вернешься, – напутствовала ее Грета. – В зал не смотри, танцуй для себя. Пашку своего представь, – она усмехнулась, – как он слюной захлебывается. Или локти себе кусает. Поняла?

Нина бездумно кивнула.

– Хочешь, еще налью?

– Чтобы я в зал свалилась? Нет уж.

Грета усмехнулась.

– Ну, как знаешь.

Следующие десять минут были самыми ужасными в ее жизни. По крайней мере, Нина мысленно повторяла себе это раз за разом, крутясь под музыку у шеста, и, по совету Греты, не обращая взгляда к мужчинам в зале. Когда музыка кончилась и послышались чересчур бурные овации, она сочла это издевательством, потому что была уверена, что не справилась. У нее же тряслись ноги, дрожали поджилки, и она пару раз точно перепутала движения. Оказавшись за кулисами, без сил опустилась на ступеньку и закрыла глаза. Ее трясло, при этом сердце почти не билось, только в ушах музыка, музыка. Кто-то схватил ее за плечи и потряс, Нина даже глаз не открывала. Тошнота опять подступила, и в этот раз она не была уверена, что сдержит ее.

– Это просто бомба! – выдохнула Гретка, видимо, это она ее трясла. Отвернулась от Нины и назидательно проговорила: – Учитесь, а то только и умеете, что титьками трясти. Трясогузки.

Нина с трудом поднялась, за Грету ухватилась, и негромко, но веско проговорила:

– Я больше туда не пойду.

Грета успокаивающе похлопала ее по плечу.

– Не пойдешь, не пойдешь. Сегодня больше не пойдешь.

Нина хотела объяснить, что больше туда никогда не пойдет, потому что это было самое ужасное, что она когда-либо делала, но подоспел Витя, посмотрел на нее ликующе, выдал широкую улыбку, отчего еще больше стал похож на жабу, и по-отечески потрепал по щеке.

– Умница, доча. А ведь как долго отнекивалась. А вышла и сделала.

Грета оттолкнула его от Нины.

– Оставь ее, видишь, еле стоит?

– Налей ей выпить, – легко посоветовал он, и тут же прикрикнул на других девчонок. – Что встали? Вперед, на сцену. Липа, сними это уродство, что ты вырядилась? Деревня.

Домой ее отправили на машине с водителем, не из-за изменившегося положения, а потому что Нина стоять не могла. В примерке Грета влила в нее еще добрых сто грамм коньяка, Нину от волнения и алкоголя развезло, и она, споткнувшись, едва не сломала каблук чужих туфель. А оказавшись дома, вспомнила, что Арина ночует у Зинаиды Тимофеевны, по случаю ее первой «ночной смены», и от жалости к себе и своему ребенку пьяно разревелась, размазывая ладонью по лицу макияж.

Себя было жалко. За себя было обидно и даже стыдно. Но проснувшись следующим утром с головной болью, поняла, что теперь с этим стыдом предстоит мириться и жить. Старалась вести себя, как обычно, улыбалась дочери, кормила ту завтраком, а Зинаиде Тимофеевне заплатила за прошедшую ночь столько, сколько раньше себе позволить бы не могла. А этим утром отдала ей эти деньги, отмахнувшись от любопытного взгляда, стараясь не думать, что

теперь о ней будет думать пожилая женщина. Правда, может Зинаида Тимофеевна и подумала что-то не то, но это не помешало ей деньги взять и пообещать прийти к шести вечера. А Нина, пересчитав оставшиеся от аванса, выданного Жабой, деньги, взяла Аришу и отправилась с ней по магазинам, и с особым болезненным удовольствием купила дочке дорогущего плюшевого зайца, набор красок, на который раньше они только смотреть могли, и несколько альбомов. Словно, прощения просила у нее за свое падение.

– Больше я пить не буду, – заявила она Грете, когда вечером приехала в «Тюльпан». – Даже не предлагай.

Грета переодевалась к своему выходу, усмехнулась после слов Нины.

– Не зарекайся. Иногда так тошно после их сальных взглядов, что хоть вой.

– Не буду, – упрямо повторила Нина. – С вами сопьешься.

– С кем это, с вами? – Грета закинула ногу на туалетный столик, принялась подтягивать ажурный чулок.

– Здесь плохая аура, – со знанием дела заявила Рита. Она была достаточно флегматичной особой, ее интересовали мистические аспекты человеческой жизни, и как она совмещала это со стриптизом, Нина не понимала.

На замечание об ауре, Грета презрительно фыркнула.

– Какая, к чертям, аура? Полный зал мужиков. А вы все, все, – со значением добавила она, – прекратите стонать. Радуйтесь, что не в заштатном баре работаете. Здесь закрытый клуб, и мужики, которые вам сережки с брюликами покупают. Иногда. Старайтесь лучше, получите больше.

Она отошла в сторонку, а вернулась с коробкой, протянула ее Нине.

– Тебе, премия. – Грета усмехнулась. – Не люблю я обувью делиться.

Нина без особой радости коробку приняла, сняла крышку, достала туфлю красивого лилового цвета на десятисантиметровом каблуке.

– Зачем ты? Я бы сама купила.

– Витька сказал купить, я купила. – Усмехнулась. – Подойдут к твоему корсету. И не трати время, – посоветовала она, – красся. Твой выход через полчаса.

– Я помню.

Девчонки быстро переоделись и упорхнули на сцену, исполнять совместный танец, а Нина, ненадолго оставшись одна, придвинулась ближе к зеркалу, и провела рукой по своему лицу. Она еще была не накрашена и казалась немного бледной, но через несколько минут лицо изменится, она превратится в женщину-вамп, которая и выйдет к шесту, перед множеством мужчин в зале, которые будут следить за ней взглядами, прицениваясь, и, наверное, обсуждать ее между собой. Об этом Нина старалась не думать. Решив, что вернется в «Тюльпан» и снова выйдет к шесту, она решила впредь относиться к этому, как к работе. Не заикливаться, не переживать, и не мучиться угрызениями совести. Она делает свою работу, ту, которая у нее есть и которая ее кормит, и старается ее делать, как всегда хорошо. То, что происходит в зале, и кто как о ней думает, ее волновать не должно. Как заверил ее Витя на второй день: у нее получается, вот и надо продолжать в том же духе. Нужно просто танцевать, не задумываясь о том, что она

делает что-то постыдное.

Пока ей удавалось держать планку, она ставила себе номера по уровню значительно отличающиеся от других девочек, она старалась закрутить все так, чтобы не было нужды снимать с себя последнюю тряпку на глазах чужих людей. Гретка говорила, что когда она крутится у шеста, даже у нее дыхание в груди спирает, не то что у сидящих в зале мужиков. Нина ей верила, и надеялась, что и впредь будет также, ее мастерство – это единственное, что может удержать ее от окончательного падения. Пока интерес к ее персоне не угаснет, пока она будет зарабатывать для Вити достаточно денег, он будет идти ей на уступки. Значит, надо стараться.

Прежде чем выйти из гримерки, посмотрела на себя в зеркало. Если не обращать внимания на взволнованный взгляд, выглядит она эффектно и вызывающе. Под длинным атласным пиджаком лишь матового сиреневого оттенка шелковая комбинация, такого же цвета стринги и никакого бюстгалтера, для пикантности, дополняют костюм черные чулки в мелкую сеточку, а на ногах подарок Гретки. Про себя Нина удивлялась, как у нее получается выглядеть в этом наряде на сцене естественно и вести себя уверенно, наедине с собой то и дело хотелось пиджак запахнуть. Оказываясь на небольшой сцене с шестом посередине, ее спасал только свет софитов, он бил в глаза, и Нина старалась представить, что она одна, хотя бы до тех самых пор, пока не зазвучат первые аплодисменты и смелые выкрики. Но судя по реакции в зале, ее появления ждали, хотя у нее был только один выход за вечер. Другие девчонки часами крутились на сцене, а то и в импровизированных клетках, развлекая гостей.

– Сегодня аншлаг, – сообщил ей охранник в коридоре, подмигнув. Они теперь все ей подмигивали, как своей. Правда, с разговорами не приставали и с вольностями не лезли, хотя в «Тюльпане» это было не редкостью. Нина была уверена, что Витя запретил к ней руки тянуть, все еще спугнуть боялся. А когда перестанет бояться, что будет?

– Здорово, – без особого оптимизма отозвалась Нина, торопливо проходя мимо дюжего молодчика.

За кулисами, рядом с выходом, на колченогом стуле сидела Грета и разглядывала свою ногу, а заметив Нину, пожаловалась:

– Вот ведь, новые чулки поехали. Понаставят чертовщины всякой, ходишь спотыкаешься. – Прищурилась, глядя на Нину. – Переживаешь?

Та криво улыбнулась.

– Я всегда переживаю. Хотя, сегодня юбилей, десятый выход.

– Новый номер?

Нина кивнула.

– Так порви их всех. – Рассмеялась. – Хотя, им много и не надо, они всегда готовы.

Нина уже пожалела, что Грета ей перед выходом попала. Поднялась по ступенькам, прислушиваясь к звукам музыки, откинула кулису и вышла на сцену. Сердце заколотилось, адреналин побежал по венам, свет бил в глаза, а на губах появилась соблазнительная улыбка. Нина каждый день ее репетировала перед зеркалом, как и свой танец. Зал был за стеной света, будто в тумане, и вроде бы замер, когда она появилась. Обманчивое впечатление, что никого нет или им все равно. А Нина откинула за спину волосы, по-кошачьи грациозно сделала несколько шагов, и когда музыка заставила сердце замереть, развернулась, и, прижавшись к шесту спиной, медленно съехала по нему вниз, зазывно провела рукой по своему бедру. Музыка была нетрадиционной для стриптиза, что еще больше завораживало. Нина знала каждую ноту, у нее все было расписано по секундам, каждое движение, и даже каждая пауза. Нога обхватила шест, сама она выгнулась, опустив руки, и атласный пиджак послушно сполз на пол, оставив ее в легкой комбинации. В зале послышался свист и выкрики ободрения, а Нина закружилась в танце, откинув голову и позволяя волосам растрепаться, и даже пальцы в них запустила, чего не делала на репетиции. Взбила волосы, и, продолжая импровизировать, сделала шаг к краю сцены и опустилась на колени, выгнувшись, как кошка. И только в тот момент, когда свет остался за спиной, поняла, какую ошибку совершила, оказалась лицом к лицу с мужчиной, что сидел за первым столиком. Да и всех остальных смогла рассмотреть. Зал, казалось, жил своей жизнью: посетители пили, развлекались и смеялись; кто-то напротив не отрывал взгляда от нее, танцующей; между столиками сновали официантки в коротенькой соблазнительной униформе, а у бара стоял Витя Жаба и внимательно наблюдал за ее танцем, на губах удовлетворенная ухмылка, видимо, она все делала правильно. Пришлось нацепить на лицо притворную улыбку, и убраться подальше от края сцены, за шест схватилась, как за спасательный круг, грациозно поднялась и снова закружилась вокруг него. Напоследок, вместо принятого у дру-

гих девушек обнажения, приняла провокационную позу, наклонилась и пальчиком прочертила черту от лодыжки до внутренней поверхности бедра. Пальчик скрылся под подолом короткой комбинации, в зале послышались ободряющие выкрики, а Нина лукаво улыбнулась, и исчезла за шторой. Улыбка тут же стерлась, будто ее и не было, Нина выдохнула, стараясь избавиться от внутреннего перенапряжения, и аккуратно, покачиваясь на высоких каблуках, спустилась по ступенькам. Кто их, вообще, тут придумал сделать? Так и шею можно свернуть.

Скинула туфли и до гримёрки шла босиком. Задержала взгляд на улыбающемся лице охранника.

– Что?

– Обалдеть, – выдал тот комплимент, а Нина поспешила скрыться с его глаз. Дошла до своего туалетного столика и без сил опустилась на стул. Провела ладонью по шее и груди, будто вытираясь. Через несколько минут Грета подошла сзади и наклонилась к ней, облокотившись на спинку стула. Разглядывала Нину в зеркале.

– О тебе уже спрашивают, – с провокационной улыбкой проговорила она.

Нина непонимающе взглянула.

– Кто?

Гретка усмехнулась.

– Если бы абы кто, я бы не говорила. Заинтриговала ты кое-кого. Солидного.

Нина взяла влажную салфетку и принялась стирать макияж.

– Даже не говори мне ничего, – попросила она. Грета скривилась.

– Что ты нелюдимая такая? Неужто и, правда, своего Пашку любишь? До сих пор?

– Не в этом дело. Люблю или не люблю, но я не хочу неприятностей. У меня ребенок, больше меня ничего не интересует.

– Ну и дура. – Грета голос понизила. – Я же тебе говорю, здесь случайных людей не бывает. Чего теряться-то? А ты красивая девка, и нечего мне про ребенка рассказывать, это здесь совершенно не причем. Или я Степку своего не люблю? Но жизнь-то одна.

Нина взглянула удивленно.

– Ты не говорила, что у тебя сын есть.

– А чего про него говорить? Здоровый лоб уже, четырнадцатый год. Или думаешь, его волнует, как я деньги зарабатываю? Ему подавай компьютер новый, велосипед и денег на Макдональдс. Так что, – она положила руку Нине на плечо, – пока можешь, устраивайся. Кому ты будешь нужна лет через десять?

Нина все-таки улыбнулась.

– Я подумаю, спасибо.

Грета шутливо постучала своим пальцем ей по лбу.

– Нечего тут думать. – От Нины отошла и покрутилась перед зеркалом, разглядывая свой наряд. – Одна ты всё равно не останешься, – нараспев протянула она, – мужики-то не слепые.

Нина на стуле развернулась.

– Грет, ты чего меня сватаешь?

– Да кто тебя сватает? Я тебя уму разуму учу. Кто кроме меня?

– Действительно, – проговорила Нина в сторону, недовольная темой разговора.

– Витя уже предлагал тебе время для второго выхода?

– Нет. И я не уверена, что мне это нужно.

– Ты с ума сошла? Последнюю неделю обвал посетителей, мужики как с ума посходили, ходят на тебя посмотреть. – Грета наклонилась к ней, опираясь о край туалетного столика. – Нина, Витька, конечно, жмот, но он знает, когда нужно уступить. И если он предложит, ты озолотишься. Серьёзно.

Нина откинулась на стуле, ногой оттолкнулась, чтобы кресло отъехало назад, и это позволило бы ей быть подальше от Греты, та ей практически в лицо дышала.

– Я не собираюсь здесь оставаться. То есть, я отработаю, сколько обещала, но оставаться здесь я не хочу. Мне просто нужны деньги. Ты это знаешь.

– Деньги всем нужны. И именно их я тебе и предлагаю.

Нина принялась разглядывать свои ногти. Конечно, то, что говорила Грета, было поводом задуматься, но у Нины было такое ощущение, что «Тюльпан» её затягивает, как болото, а ведь она здесь меньше двух недель. Раньше она так к этому заведению не относилась, приходила днём, а через пару часов убегала со спокойной душой. И не принимала всерьёз разговоры и рассказы девчонок, что здесь работали постоянно. А оказавшись с ними в одной лодке, опомнившись от первых бурных и не слишком приятных эмоций, поняла, что вырваться отсюда будет непросто. Как не отгораживайся, а совсем скоро отношение к ней станет соответственное, она стриптизерша, а это, в глазах обывателей, почти то же самое, что и проститутка. Только положение более легальное.

Из «Тюльпана» Нина всегда уходила через заднюю дверь. Переодевалась в привычные джинсы и футболку, забирала волосы в хвост, и спокойно выходила, и даже если на стоянке перед клубом сталкивалась с посетителями, обычно на неё не обращали никакого внимания. Украдкой махала рукой девчонкам, с которыми работала, если замечала их. На улице они обычно появлялись в компании своих кавалеров, и Нина, ожидая в сторонке такси, наблюдала за ними. Как Грета справедливо заявила: в «Тюльпане» было мало случайных людей. Мужчины приезжали на дорогих машинах, носили хорошие костюмы, а в клубе тратили большие деньги. И далеко не все были приятными субъектами, или попросту безопасными. Вот, например, тот же Изланов, из-за которого Рита с Илоной ссорились без конца, и который, по мнению Нины, морочил голову обеим, причём не без удовольствия, был типом неприятным, и внешне, и по характеру. Ему удовольствие доставляло наблюдать за бесконечной кошачьей дракой, при том, что дома его ждала жена, о чём Нине было доподлинно известно. И таких, как он, в клуб каждый день заходило с десятков, а Витя Жаба приветчал всех и каждого одаривал приветливой улыбкой и заверениями, что в стенах его заведения им ни в чём отказа не будет. Нина же удивлялась на девчонок, которые, на самом деле, ругались из-за этих испорченных кобелей, и, кажется, даже надеялись на что-то. Правда, некоторым всё же хватало ума просто брать от мужчин то, что они в состоянии предложить, и этим довольствоваться. Но это хоть и было более умно, но больше смахивало на продажу себя. Для такого нужно обладать характером, честно признаться себе, чем ты занимаешься, не прикрываясь романтической чепухой.

Дома Нина теперь появлялась ближе к полуночи. Зинаида Тимофеевна встречала её молча, не задавала вопросов, получала пятисотрублёвую купюру, и довольная, как казалось Нине, уходила. А она, закрыв за пенсионеркой дверь, заглядывала к дочке, которая в это время уже спала; стараясь не шуметь, убирала альбом и книжки, а потом наливала себе горячую ванну. С тех пор, как начала работать, снова стала зависеть от музыки, под которую танцевала. Она крутилась и крутилась в голове: после репетиций, после конкурсов, теперь вот после выхода на сцену. И избавиться от навязчивой мелодии можно было, только полностью расслабившись. Помогала горячая ванна и тишина. А ещё чувство вины из-за того, что теперь не может читать Арине на ночь сказки, нарушив их многолетнюю традицию. Конечно, с дочкой они договорились, и читали вместе днём, и Арина не возражала и не расстраивалась, по крайней мере, не показывала этого, но Нина всё равно чувствовала вину. Оставлять ребенка вечером, позволять укладывать дочку спать практически чужому человеку, это любой матери будет неприятно. Но выхода не было.

Полчаса в тишине – и мелодия, наконец, отвязалась. Выйдя из ванной, Нина закуталась в махровый халат, поставила чайник на газ, потом влезла на табуретку и нащупала на угловом кухонном шкафчике железную банку из-под печенья. Прижала её к груди, как своё главное сокровище, на пол прыгнула, и с некоторым душевным трепетом, открыла крышку. Внутри, аккуратно свернутые, лежали купюры крупного достоинства. Их пока было немного, но они

были, и это вселяло уверенность. Появилась хоть какая-то стабильность. Нина начала откладывать на вступительный взнос в художественную школу, ну и просто на «чёрный» день, если до этого дойдёт, и если получится на него хоть что-то отложить. Пересчитала деньги, хотя, точно знала сколько там, потом достала из кошелька пару тысяч и пополнила заначку.

– Мама.

Нина резко обернулась, в удивлении воззрилась на дочь.

– Ты почему не спишь?

Арина стояла, прижимаясь к дверному косяку, в яркой пижаме с Гуффи, и смотрела на неё серьёзно, точнее, на деньги в её руках. Нина вдруг засуетилась, чего-то испугалась, а деньги поспешила убрать обратно в банку. И потом уже поманила дочку к себе, посадила на колени и обняла, уткнувшись носом в её распущенные волосы.

– Ты почему не спишь? – поинтересовалась она, на этот раз шутливо. В щёку Арину поцеловала. – Уже так поздно.

На плите зафыркал чайник, Нина протянула руку, чтобы его выключить, а дочке предложила:

– Давай пить чай? У нас конфеты есть.

Ариша пересела на соседний стул, придвинула к себе свою чашку, на мать не смотрела, ничего не говорила, но Нина почему-то чувствовала, что ей всё это нравится. Наверное, Арина всё-таки переживала, когда она уходила вечерами, и сейчас чувствовала облегчение, проснувшись среди ночи и поняв, что мама всё-таки возвращается домой. Поэтому Нина не стала её торопить и снова укладывать в постель, они мирно пили чай, Ариша сбегала за своим альбомом, чтобы показать матери новые рисунки. Только в половине второго Нина спохватилась, и они с Ариной отправились спать. Правда, спать на своём диванчике Арина не захотела, перебралась к матери, свернулась клубочком у неё под боком и, наконец, спокойно заснула, а Нина, сама того не желая, вновь вспомнила знакомую мелодию. Глаза закрыла, и будто наяву увидела себя на сцене, у шеста, каждое движение, которое делала, и которое могла бы сделать. Начала в уме продумывать новый номер, и в какой-то момент так противно стало. Вспомнила не свой танец, а мужчин в зале, которые смотрели на неё, разглядывали, будто ощупывали взглядами, а она даже сейчас, в своей постели, вроде бы для них старается, придумывает новый повод её обсудить и взглядами раздеть, хотя, особо с неё снимать нечего, пара шёлковых тряпок. Пытаясь отвлечься от этих мыслей, осторожно погладила дочь по спине, а себе приказала спать, даже одеялом с головой накрылась.

Утром позвонила мама. Начала выпрашивать что да как, про работу и мужа, а Нина, проснувшись без настроения, в сердцах выпалила:

– Мама, не спрашивай меня о нём. Я ничего не знаю!

– Что значит, не знаешь?

Нина, уже успев пожалеть о своих словах, всё-таки решила больше не отнекиваться и не притворяться, да и мама озабочено переспросила:

– Вы ругались? Опять?

– Не ругались. – Нина присела на подоконник, глянула вниз, на улицу, заметила хозяйку квартиры, выгуливающую свою собачку, и поспешила от окна отойти. Ещё не хватало, чтобы она её заметила, этой особе даже кивать в знак приветствия не хотелось. – Паша уехал в Москву, там... ему работу предложили.

– Какую работу?

– Говорит, хорошую.

– То есть, ты даже не знаешь? – Елена Георгиевна вздохнула и с горечью подтвердила собственную догадку: – Вы разругались.

– Мама, мы вместе уже десять лет, даже больше. Мы ругаемся и миримся. И со своими проблемами разберемся, не переживай.

– А как же ты одна?

– Нормально. Работаю. – На секунду зажмурилась, но приказала себе быть стойкой. Погладила Аришу по голове, когда та протиснулась мимо неё в обнимку с плюшевым кроликом.

– Правда?

– Мама, клянусь. У меня всё в порядке.

– Хотя бы зарплату тебе добавили, что ли. Я вот по телевизору слышала, что бюджетникам обещали прибавку.

– Мама, я не бюджетник.

– Но ты же в школе работаешь.

– Во-первых, это частная школа, а во-вторых, я преподаю танцы, а не математику и даже не географию. Я не педагог.

– Глупость какая-то, – расстроено проговорила Елена Георгиевна, искренне не понимая, в чём здесь подвох. Но быстро вспомнила о главном. – А когда Пашка придет, скажи ему, что это не дело, оставлять жену и ребёнка одних в чужом городе.

Нина усмехнулась.

– Я столько лет живу в этом городе, а ты всё ещё считаешь, что я здесь в гостях.

– А разве нет? У человека должен быть дом, – нравоучительно начала она развивать любимую тему. – А вы, на самом деле, столько лет там живёте, а всё по углам мыкаетесь. И поэтому я совсем не удивляюсь, что Арина...

– Что Арина?

Мать замолкла на полуслове, видимо, заставила себя проглотить справедливые, по её мнению, слова, знала, что это повод для ссоры с дочерью. И Нина тоже молчала, зло уставившись в угол маленькой кухни, не зная, как поскорее с матерью распрощаться, чтобы не обидеть. Поглядела на дочь, которая ела йогурт и чересчур внимательно разглядывала своего кролика. Её не интересовало то, что за окном, что на столе, она не прислушивалась к её разговору и была безразлична к тому, что звонит её бабушка, в эту минуту её интересовал только плюшевый заяц.

На одну секунду стало очень горько. Нина не позволяла себе задумываться о таком, считала это слабостью и предательством по отношению к своему ребенку, но иногда, глядя на Аришу... она не понимала, за что. Просто не понимала.

– Я всё поняла, мама, – произнесла она в трубку голосом послушной дочери. – А сейчас, прости, но мне нужно на работу. Я позвоню тебе в выходной, хорошо? И не переживай, у нас всё в порядке.

Телефон выключила и на пару секунд задержала дыхание, стараясь справиться с собой. В этот раз почему-то было сложнее, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы улыбнуться. К дочке подошла и дотронулась пальцем до её подбородка, привлекая её внимание и заставляя посмотреть на неё.

– Давай пойдём гулять. В парк. Оденешься сама?

Арина молча со стула слезла и ушла в комнату. А Нина взяла пустой стаканчик из-под йогурта и со злостью бросила его в мусорное ведро.

В этот вечер, первый, кто встретил ее в «Тюльпане», не считая охранника у входа, был Витя Жаба. До ее появления он инспектировал бар, сверял наличие с какими-то своими списками, и, кажется, выговаривал что-то бармену, потому что Ваня, сублильный молодой человек, обычно жизнерадостный, сегодня казался скисшим. Увидев Нину, Ваня ей кивнул, без особого воодушевления, едва заметным кивком указал на въедливого хозяина, скроил зверскую рожу, и Нине пришлось постараться, чтобы скрыть улыбку, когда Витя обратил на нее внимание.

– А вот и ты, душа моя. – Он отвернулся, снова обратил свой взор к ряду бутылок на стойке, но это совсем не значило, что Нина могла уйти. Судя по Витиному тону, ему было,

что ей сказать, поэтому она приблизилась к барной стойке и замерла в ожидании. – Как дело продвигается? – спросил Жаба.

– Кому знать, как не тебе?

Он развеселился, даже осклабился.

– Я знаю. – Витя кинул быстрый взгляд на Ваню. – Давай, поделись с девочкой.

– Двигаешься отпад, – не стал тот тянуть и высказал свое мнение.

Нина натянуто улыбнулась.

– Ну, спасибо.

Витя снова от бутылок отвлекся.

– Подарочек там тебя ждет.

Нина нахмурилась.

– Какой подарочек?

– Цветочки. От поклонника.

– Какого еще поклонника? – всерьез забеспокоилась Нина. В поисках поддержки посмотрела на Ваню, но тот только усмехнулся. А Нина обратилась к Жабке, стараясь говорить серьезно. – Витя, мне не нужны никакие поклонники. – Она понизила голос. – Мы об этом не договаривались.

Витя нехорошо ухмыльнулся.

– О чем? Что мужики не будут на твою задницу западать? Так тебе именно за это деньги платят. Или влом цветочки от обожателя принять?

– Да, сначала цветочки, а потом что?

– Мне какое дело? – Жабка ей подмигнула. – Я не сутенер.

– Хотя за это спасибо, – зло проговорила Нина, правда, уже по пути к гримерке. В открытую спорить или попросту возражать Жабке она опасалась. Да и все опасались, за Витиной внешней тщедушностью скрывалась достаточно пакостная натура, к тому же злопамятная. Заполучить его в качестве врага, кажется, даже постоянные посетители «Тюльпана», с их деньгами и связями, не желали бы. А ей куда?

На ее туалетном столике в гримерке стояла большая корзина красных роз. Если честно, ей таких цветов, в таком количестве, никогда до этого не дарили. Нина оглядела корзину со всех сторон, увидела среди бутонов небольшую открытку и осторожно ее достала. Правда, ясностью та не порадовала, в открытке было всего одно слово: «Красавице». Нина хмыкнула и сунула открытку обратно в цветы.

– Первый бонус? – со смешком заинтересовалась Рита, войдя.

А Нина вместо ответа спросила:

– Знаешь от кого?

Та безразлично пожала плечами.

– Не знаю. Но скоро проявится, не волнуйся.

Нина натянуто улыбнулась, не скрывая того, что именно это ее и беспокоит, что поклонник себя проявит и принесет с собой кучу неприятностей.

– О, цветочки. – Илона подошла к ее столику и наклонилась над корзиной, вдыхая сладковатый аромат. – Красота. Люблю красные розы.

– Да, что может быть банальнее? – пренебрежительно фыркнула Рита, переодеваясь в стороне.

Илона сделала в ее сторону неприличный жест, ссора вспыхнула мгновенно, но Нина решила не вмешиваться. Разглядывала новый пояс для чулок, купленный сегодня, а думала о розах. В конце концов, решила спросить у Вити про дарителя, он должен знать. И, переодевшись, накинула на себя халат, и, пройдя через кухню, вышла к кабинету Жабки. В зале уже появились первые посетители, зазвучала музыка, и, проходя мимо распахнутых в зал дверей, Нина увидела Илону, что вошла на сцену. Девчонки почти все были в зале, кроме Греты,

которую Нина обнаружила в кабинете Вити, с удовольствием раскинувшуюся на диване. На Гретке был лишь шелковый пеньюар, смело расходившийся на полной груди и привлекавший внимание, а не скрывавший наготу. Она полулежала, опираясь на подлокотник, и курила, судя по выражению лица, раздумывала над тем, что ей Жаба говорил. Тот же, напротив, казался недовольным и, кажется, готов был начать плевать от неприятностей, что на него валились, а увидев Нину в дверях, и вовсе насупился.

– Еще одна явилась из меня жилы тянуть, – порадовался он ее появлению. – Тебе чего надо?

Нина кинула на Грету быстрый взгляд, отметила то, как понимающе та усмехнулась, и сказать ничего не успела, Гретка ее перебила и сама сообщила о поводе ее визита.

– Она хочет знать, от кого цветы.

– А какая, на хрен, разница?

– Вот и я о том же, – поддакнула ему Грета.

Но Нина заупрямилась.

– Это вам разницы никакой, а мне есть. Мне для полного счастья только озабоченных поклонников не хватает.

Грета усмехнулась.

– Они все здесь озабоченные, как один. Да и не только здесь.

Витя перекладывал бумажки на столе, потом глянул на Нину исподлобья и сказал:

– Радуйся, дура.

Нина руку в бок уперла.

– Чему это мне радоваться? – Она направилась к столу, не спуская с Вити тяжелого взгляда. – Мы с тобой как договаривались?

– А как мы с тобой договаривались? – Витя глянул на нее волком. – Ты хотела денег? Я тебе плачу. Заметь, хорошо плачу. И ценю. Пока ты эти деньги отработываешь. Но отгонять от тебя мужиков я не нанимался. Ты сюда пришла задницей крутить или проповеди им читать о вреде беспорядочных связей? – Он впился злыми глазками в Нинино лицо. – Вот и не строй из себя целку. Иди и работай. – Жаба немного смягчился и добавил: – Считай, что количество цветов определяет качество твоей работы, а значит, зарплату. А уж как ты будешь разбираться со своими воздыхателями, это только твоя проблема.

– В клубе тебя никто не тронет, – сказала Грета, желая Нину успокоить.

– Для этого есть охрана, – снова огрызнулся Витя, и на Нину зыркнул. – Иди, твой выход скоро. Полный зал клиентов.

Из его кабинета Нина вышла, стгорая от возмущения. Вот только направить его было не на кого, если только на себя. Сама ведь прекрасно понимала, во что ввязывается, когда к Жабe на поклон пришла, работу просить. И ждать, что всегда сможет ускользать незаметно, было глупо.

Нина остановилась за шторой и осторожно выглянула в зал, принялась разглядывать посетителей. Самое странное, что, собираясь в «Тюльпане», мужчины не только отдыхали, но и умудрялись работать, договариваться, заключать сделки и выгодные контракты. Сюда приглашали деловых партнеров из других городов, и здесь же устраивали шумные пирушки и мальчишники. Некоторые даже с дамами приходили, хотя Нина была уверена, что на этих дамах пробы ставить негде, да и вели себя некоторые соответственно, сами готовы были в любой момент раздеться, по прихоти своего кавалера, и выйти к шесту. Правильно, какая бы нормальная женщина согласилась провести вечер в мужском клубе? Все-таки это была изнанка жизни, хоть и с шиком обставленная. А Жаба пытается убедить ее, что ей должно льстить мужское внимание посетителей клуба. Только она для них не женщина, а красивая кукла, которая обладает определенной ловкостью и грацией, и умеет выгодно продемонстрировать молодое тело, им на потеху. И страшно подумать, что придет день, когда она к этому привыкнет

и будет считать нормой. Никто не спорит, это не третьесортный стриптиз-бар, здесь деньги крутятся большие, и девчонки, который работают здесь достаточно долгое время, ходят в дорогих нарядах и бриллиантах, без преувеличения, но разве это делает их преуспевающими женщинами? Их, как знамя полка, передают по кругу, из рук в руки, и соревнуются, кто произведет большее впечатление, и в сексуальном и в материальном плане. Единственный шанс уйти отсюда когда-нибудь, поставить себя выше остальных, вот как Грета. К той из посетителей никто не лезет, все отлично знают, что она у Жабы главный советчик и утеха. Конечно, спать с Жабой и сталкивать Гретку с насиженного места, Нина не собиралась, упаси Господь, она надеялась и вовсе обойтись без постели, просто нужно выбрать правильную модель поведения, дать понять, что она особенная, и не просто танцует стриптиз. Она танцует, именно танцует, а не раздевается под музыку. Она вообще не раздевается, за две недели работы в «Тюльпане» ни разу не сняла с себя лишней тряпочки. Стриптиз, как танец, тоже способ выразить себя, вот она этим и занимается. Ну, и получает за это деньги, конечно же. Хорошие деньги, надо признать. Но это совсем не значит, что она собирается здесь задержаться. Наоборот, нужно вести себя по-умному, чтобы через полгода покинуть «Тюльпан» без потерь для своего морального облика, и забыть о нем навсегда.

Через несколько дней Витя поостыл, и когда Нина пришла после законного выходного, встретил ее вполне благодушной улыбкой. И не только улыбнулся, но и приобнял за талию, отчего Нина не на шутку насторожилась, решив, что Жаба точно что-то задумал.

– Пойдем в бар, разговор есть.

Они прошли через пустой зал, Витя указал на высокий табурет у барной стойки, и Нина на него села, решив не спорить и выслушать, что от нее начальство, если так можно назвать владельца стриптиз-клуба, хочет. Улыбнулась Грете в знак приветствия, она единственная из девчонок была здесь, пила мартини, а на Витю поглядывала в ожидании, видимо, тоже в преддверии новостей или указаний. А Жаба приблизился к ним вплотную, руки им на плечи положил и сообщил вполголоса, но весьма довольный и бодро:

– Значит так, девочки, не думаю, что сообщу вам новость, все уже знают, что сын мэра женится, в эту пятницу.

Гретка многозначительно ухмыльнулась, а после притворно вздохнула.

– Вадик. А он ведь у меня на глазах вырос. Точнее, возмужал.

– Да, да, и ты ему всеми силами помогала, – ухмыльнулся Жаба.

– Как не стыдно мне об этом напоминать, я сразу старой себя чувствую. – Грета запечатлилась, а Нина не смогла скрыть улыбку, наблюдая за ней. – Сколько ему, лет двадцать пять?

– Вообще, двадцать восемь.

– Боже мой. – После этих слов Грета искренне изумилась, нахмурилась, и, кажется, принялась в уме высчитывать. – Это что же, десять лет прошло?

– Все, заткнись, – беззлобно шикнул на нее Витя, и сосредоточил свое внимание на Нине. – Завтра мальчишник. Мы закрываемся на спецобслуживание, гостей человек тридцать будет. Нинок, нужно что-то феерическое.

На ее губах появилась кривая усмешка.

– Для сына мэра? Само собой.

Витя предостерегающе сдвинул брови. Он, вообще, любил поиграть бровями, для эффекта, хотя особой густотой они не радовали.

– Ты шуточки свои оставь для другого раза. Лучше скажи, что-нибудь новенькое покажешь?

Нина на минуту задумалась, после чего кивнула.

– Покажу.

– Удивишь?

– Постараюсь, – не слишком охотно пообещала она.

– Вот и умница. – Витя снова глянул на Грету. – Девочки, на вас вся надежда. Гретка, на тебе зал, – он перевел взгляд на Нину, – на тебе шоу. И чтоб так, чтоб обалдели.

Нина промолчала, а когда Витя ушел, встретила глазами с Гретой. Та понимающе усмехнулась.

– Разденешься? Чем еще ты их удивишь?

Нина презрительно фыркнула.

– Обойдутся. – Со стула спрыгнула, отошла на пару шагов, но затем вернулась. – Платье зеленое дашь?

Грета поболтала в бокале оливку на шпажке.

– Бери, куда деваться. – И добавила: – Что для любимой жабки не сделаешь.

Вадим Мельников, сын нынешнего мэра, был постоянным посетителем «Тюльпана», ему в пору было абонемент выписывать. Нина и раньше его в зале видела, только поначалу не знала, кто он такой. Симпатичный парень, веселый, балагур, он совершенно не был похож на своего отца, всегда хмурого и чересчур серьезного мужчину лет шестидесяти. Все девочки были отлично с Вадимом знакомы, вели себя с ним запросто и иначе, как Вадиком не называли. И он сам чувствовал себя в «Тюльпане», среди полураздетых женщин вполне вольготно, как в родных пенатах. И вот теперь Вадим женился. Нина даже предположить не могла, какая нормальная разумная девушка согласилась бы за него замуж выйти. У него все на лице было написано, а уж глаза просто источали бесстыдство и порочность, правда, улыбка была настолько очаровательная, что заставляла биться все женские сердца без исключения. Даже Нина попала на эту удочку. Пару дней назад выяснила, что это именно Вадим прислал ей цветы, и, с одной стороны, это порадовало, потому что на Вадима можно было не обращать внимания и просто посмеяться над его комплиментами и знаками внимания, но с другой стороны, он все-таки предпринял попытку зажать ее в угол, хоть и не обиделся на решительное сопротивление, что Нина ему оказала. Это случилось два дня назад, а сегодня в «Тюльпане» с шумом гуляют на его мальчишнике, кажется, все особи мужского пола, имеющие хоть какое-то положение в обществе в этом городе. Стоянка была забита дорогими автомобилями, в зале шум и музыка, веселье нарастало, и женщин в зале больше, чем обычно, явно гости с собой привели дам. Виновник торжества приехал одним из последних, объявил во всеуслышание о своей занятости в преддверии знаменательного события, и в первую очередь угодил в объятия Греты. Та едва не плакала от умиления и с горечью проговорила, напирая на материнские нотки в голосе:

– Мальчик мой женится. Совсем большой стал.

Послышался смех, кто-то выдал скабрезную шутку, на которую мало кто внимания обратил, а Вадим приник губами к груди Греты в глубоком вырезе декольте. А когда отстранился, мотнул головой в пылу юношеской горячности.

– Женюсь! – И даже зажмурился. – Женюсь! – И тише, специально для Греты проговорил: – Но вернусь после медового месяца.

– Смотри, чтобы тебя жена не заездила.

Одна из девочек подошла и поцеловала его в щеку, заметив сладким голосом:

– Ты нам нужен полный сил.

– А я когда-нибудь подводил? Или разочаровывал? – Девушке достался легкий шлепок по попе.

Нина наблюдала за происходящим из-за кулис, не торопясь показываться в зале, там и без нее женщин хватало. Вернулась в гримерку, остановилась перед зеркалом, придирчиво осматривая себя, потом поставила ногу на стул, проверяя, хорошо ли застегнуты босоножки.

– Выпьешь? – Грета вошла в гримерку и протянула ей бокал шампанского. – Вадик не поспешил, вино рекой льется, и все дорожущее.

Нина сделала глоток французского шампанского, и безразлично пожала плечами, оставшись не в восторге от вкуса. Села и расслабленно откинулась в своем кресле.

– Встретила своего мальчика?

Гретка пристроилась на краю туалетного столика и ухмыльнулась. Ее платье, все в блестящих, переливалось в электрическом свете.

– Этот мальчик успел руку мне в декольте запустить, он всегда был на удивление проворен.

Нина кивнула.

– Верю.

Грета рассмеялась, разглядывая ее.

– Что, никак не простишь ему позавчерашнюю выходку? Брось, Вадик это не со зла, просто ты ему понравилась.

– Ты защищаешь его так, будто он на самом деле твой сын.

– В каком-то смысле. Я питаю к нему нежные чувства. – Грета фыркнула от смеха, прикуривая. – Паршивец похотливый, но до чего обаятельный, скажи? Кстати, он ждет не дожидается твоего выхода.

– Пусть ждет.

– А когда пойдешь?

Нина плечами пожала.

– Не знаю. Витя сказал: сюрприз, вот и пусть будет сюрприз.

– Ну, ну. В зале сегодня искрит от знакомых рож, куда ни глянь, везде деньги.

– Мне жалко его невесту, – вдруг сказала Нина.

Грета взглянула удивленно.

– С ума сошла? Чего ее жалеть? Она не нам чета, родилась с золотой ложкой в одном месте. Так что, ты лучше себя пожалей. Она свадебное платье за твою годовую зарплату меряет, а ты сейчас пойдешь женишка ее развлекать и дружков его.

– Ну ладно тебе, взяла и все испортила. Просто я подумала, что за семейная жизнь у них будет?

Грета выдохнула дым к потолку.

– Какое нам с тобой дело? Вадька как шатался сюда, так и будет шататься, а уж сколько раз в неделю он ее трахать будет, в промежутке между нашими красавицами, это только ее проблема. Там, милая моя, больше, чем любовь, там бизнес и большие-большие деньги.

Нина согласно кивнула.

Время своего выхода она сегодня не обговаривала, тянула и тянула, ожидая, когда гости окончательно расслабятся, и последние полчаса снова провела у шторки, наблюдая. Гвалт стоял еще тот: произносились тосты, люди смеялись, открывались бутылки с шампанским и вином, но до серьезной пьянки еще было далеко. Столики были расставлены по кругу, чтобы в середине зала оставалось место для танцев. Девочки из «Тюльпана» сменяли одна другую у шеста, иногда спускались в зал, но там царствовали приглашенные дамы. Нина долго смотрела в зал, не из любопытства, и не от невозможности справиться с волнением, просто выжидала нужный момент, когда и как лучше начать, решив сегодняшней номер поставить на импровизации. Но и смелости тоже нужно было набраться. Наконец, сделав знак молодому человеку, который занимался музыкой, вышла из-за кулисы, но не на сцену, а в зал. На ее появление даже внимания никто не обратил. На сцене еще была Илона, показывала свой номер, ее подбадривали свистом и выкриками, и Нина сама остановилась, чтобы понаблюдать. Улыбнулась Грете, которая махнула ей рукой, незаметно для окружающих выдохнула, и приказала себе сосредоточиться на танце. А пока лишь шла к центру зала, не спеша, и внимательно вглядываясь в лица людей, попадавших на пути. Специально задерживала взгляд, привлекая их внимание, и шла своей дорогой. Знала, что выглядит более чем провокационно, в коротком полупрозрачном платье Греты, красивого изумрудного цвета. Под платьем черный ажурный бюстгальтер и такие же трусики-шортики, лишь наполовину прикрывающие ягодички. Черные

колготки в мелкую сеточку и открытые туфли на ремешке, совсем не похожие на атрибут стриптизерши, очень элегантные и оттого так Нине приглянувшиеся. Волосы распущены и вьются мелкими локонами, она их за спину откинула, и остановилась на освобожденной от столов площадке. Надменно огляделась, столкнулась взглядом с незнакомой девушкой, окинула ту оценивающим взглядом, и слишком явно потеряла к ней интерес. За спиной, у шеста, еще продолжался номер Илоны, а Нина стояла, уперев руку в бок, и вызывающе посматривала на мужчин вокруг. Ее наконец заметили. не все, но процесс пошел. Она скупно улыбнулась в ответ на проявленное любопытство и интерес. Кивком указала на стул, и один из мужчин поторопился ей его отодвинуть, видимо, ожидая, что она присядет за стол, а Нина ногой выдвинула стул на середину зала и села. Люди перед ней начали расступаться, и вскоре перед глазами оказался главный столик, за которым сидел Вадим, в обнимку с брюнеткой и еще трое мужчин, смутно Нине знакомых. Все вокруг смотрели на нее и чего-то ждали, а она просто сидела и разглядывала гостей, потом даже ногу на ногу закинула. Старалась придать своему взгляду достаточно высокомерия и уверенности, чтобы никто не догадался, как сильно у нее сердце бьется. Вадим ухмылялся, глядя на нее, и ему она улыбнулась, изображая ту же материнскую любовь, что Грета проявляла недавно.

Музыка, под которую танцевала Илона, заканчивалась, девушка скрылась за кулисами, и все стихло. Ни музыки, ни голосов, все смотрели на Нину и ждали. Она вытянула ногу и провела пальцем по коленке, глянула исподлобья на Вадима, проверяя его реакцию. Он засмеялся, оценив ее игру, со стороны послышался еще смех, а Нина плечами пожала, будто не понимая, что происходит. Потом резко поднялась и ногой оттолкнула стул, но звука падения никто не услышал, потому что в эту секунду зазвучало танго. Поначалу Нина смотрела только на Вадима и танцевала для него, все движения порывистые, вместе с музыкой пришли эмоции, и Нине даже понравилось танцевать танго одной. Очень проникновенно, она самой себе казалась смелой и решительной, красивой и разгневанной, и соблазнительной в своем гневе. Она то зазывно улыбалась, то дерзко сверкала глазами, а то и вовсе, казалось, открыто презирала окружающих. Танго гордой, но одинокой женщины, по воле судьбы оказавшейся в мужском клубе, где от нее мало что зависит, где ей платят.

Она притягивала к себе мужчин, хватая кого за галстук, кого за отвороты пиджака, ее с готовностью прижимали к себе, ей улыбались, на нее смотрели с восторгом, но все остались не удел, отверженные, а точнее, ненужные. И снова одинокий стул посреди зала, и она на нем, склоняясь над ним, дотрагиваясь до него, как до желанного мужчины, лаская витую спинку и раздвигая ноги. И потом уже, ползком, изящно изгибая спину, и давая всем возможность разглядеть ее бедра, к столу жениха, и горящий взгляд на него. Рука тянется через стол, волосы падают на лицо, а губы призывно приоткрыты. От музыки сердце замирает и кровь волнуется. Повернулась вокруг своей оси, наклонилась над столом, выгибаясь, взгляд скользнул по мужским лицам, они были совсем близко, а остановился на одном, зацепившись за внимательные голубые глаза, чистые, как вода в северном озере, и такие же холодные. Мужчина сидел рядом с Вадимом, в расслабленной позе, пил виски, и изучал ее. Именно изучал, смотрел так, как раньше судьи на соревнованиях смотрели, без эмоций, зато обязательно замечая каждую ошибку. На какое-то мгновение Нина глазами с ним встретилась, почувствовала холод, окативший ее. Отвернулась, слушая музыку и продолжая двигаться, опустилась сначала на колени, а потом сделала кувырок назад, на секунду замерла, распластавшись в соблазнительной позе на полу. А следом провела тыльной стороной ладони по своему рту, размазывая помаду и блеск, словно после жадного поцелуя. Послышались первые аплодисменты, а кто-то пьяно и довольно громко спросил:

– Сколько она стоит?

Теперь оставалась самая малость: подняться с достоинством. Нашлось сразу несколько желающих ей помочь, и, не зная, как еще избежать чужих прикосновений и ошупываний, Нина

обратила к Вадиму выразительный взгляд. Тот расплылся в улыбке и с готовностью вскочил из-за стола. Ему Нина руку подала, Вадим помог ей подняться, а потом склонился над ее рукой, прижавшись губами.

– Как всегда, великолепно, – проговорил он вполголоса, не скрывая рокошующих ноток. – Я ведь так и жениться передумаю.

– Уверена, что ты такой глупости не сделаешь. – Нина попыталась аккуратно свою руку освободить, но куда там. Вадим вцепился в нее, разглядывая с большим удовольствием, словно игрушку, которую ему, наконец, подарили, и он ждет не дождется, когда представится момент оторвать ей голову, чтобы посмотреть, как она устроена. – Шампанского нашей звездочке! Грета, где шампанское?

– Несу, несу, – певуче отозвалась та и уже через секунду оказалась рядом, протягивая Нине бокал. – Выпьем за жениха?

Пришлось пить за жениха, и терпеть, пока он обнимал ее за талию. Подарила Гретке обжигающий взгляд, а про себя подумала, что если Вадька все-таки полезет целоваться, она его точно чем-нибудь огреет. Ведь Витя сказал, что он не сутенер, а значит, за поцелуи и обжимания с посетителями ей не платит и требовать от нее этого не может.

– Отпусти меня, – шепнула она Вадиму. Тот посмотрел ей в лицо и якобы непонимающе вскинул брови. – Мне надо поправить макияж, – из последних сил продолжая улыбаться, сказала Нина.

Вадим наклонился к ее уху.

– Зачем? Тебе идет. Выглядит очень...

– Бесстыдно?

– Эффектно, – поправил он и рассмеялся. Но все-таки отпустил от себя, правда, попросил: – Возвращайся быстрее.

Как же, жди.

В коридоре ее догнала Илона и с усмешкой сказала:

– Вадька на тебя запал. И это перед самой свадьбой. Чую, что-то будет.

– Что будет? Нужен он мне.

– Нин, в нашем городе он почти что принц.

– Вот именно, что почти что. Папенькин сынок. – Она села за свой туалетный столик, навалилась на него и устало вздохнула. Потом взяла влажную салфетку и принялась стирать помаду.

– В зал еще пойдешь?

– Пойду, куда деваться? Только переоденусь.

Платье выбрала ничем непримечательное, даже скромное по здешним меркам, специально из дома принесла. Купила на прошлой неделе, потратив на обновление своего гардероба внушительную сумму, но решив, что это необходимо. Не одалживаться же постоянно у Греты? К тому же, у Греты было свое чувство стиля, от проявления которого частенько хотелось покраснеть.

Вернувшись в зал, Нине, конечно, и в голову не пришло искать общества Вадима. Вышла снова, чтобы Витю не сердить. Покрутилась у бара, игнорируя любопытные взгляды, а потом присела за крайний столик, к Грете, без особого интереса принялась наблюдать за тем, как гости танцуют в середине зала. От женских притворных вскриков и завываний хотелось поморщиться, а наблюдая за тем, как девушки на мужчинах виснут, рассмеяться. Вадим был занят, танцевал со своей брюнеткой, в обнимку, не стесняясь, обхватив ладонями ее ягодицы.

Грета, слегка захмелевшая, потянулась к ней и поцеловала куда-то в ухо.

– Какая же ты, паршивка, талантливая.

– Почему это я паршивка?

Грета потерла ее щеку, будто стирала след от своей помады, но Нина точно знала, что до щеки Грета не дотянулась.

– Это я любя. Порядочные девушки так не танцуют.

– Ну, спасибо тебе.

– Нет, Нин, я серьезно. Это было очень... В общем, ты поняла. Сильно.

Нина кивнула.

– А Вадька поплыл, – Грета ухмыльнулась. – Теперь не уймется, пока ты ему не дашь.

– Уймется. У него вон, уже замена.

– Да брось. Сравнила.

Нина рассмеялась.

– Я лучше?

– Спрашиваешь! Таких, как эта, червонец за пучок. А ты, – Грета погладила ее по голове, – ты у меня талант.

Нина посмотрела на нее и вынесла вердикт.

– Ты напилась.

– Так это же хорошо. Праздник ведь!

– Чужая свадьба.

А Грета вдруг запела:

– Чужая свадьба, чужая свадьба!.. Хорошая песня, жалко слов не помню.

Взгляд Нины вдруг вырвал из толпы фигуру мужчины, того самого, с холодными голубыми глазами, что сидел за столиком Вадима. Он вроде и находился среди множества людей, но словно был один, стоял прямой, как скала, опять пил, но пьяным не выглядел. Разговаривал, хлопнул кого-то по-приятельски по спине и рассмеялся. А Нине вдруг неудобно стало, получается так, что она за ним подглядывает. И вроде бы ей наплевать на всех мужчин в этом зале и на него в частности, у нее без того полно неприятностей, но при взгляде на него странный звон внутри, неприятный и волнующий одновременно.

– Кто это?

– Кто? – тут же ухватила за ее вопрос Грета.

Нина указала на интересующего ее субъекта, а Грета, проследив за ее взглядом, понимающе усмехнулась.

– А у тебя губа не дура, подруга.

– Грет, я просто спрашиваю.

– Ну конечно, ты просто спрашиваешь, – не поверила Грета, но дальше вредничать не стала. – Это Костя. – Она произнесла это имя так, будто оно само по себе все объясняло. – Они с Вадькой одного поля ягоды, в том смысле, что Костин дед был первым мэром, еще в девяностые, после коммунистов. Хотя, может, это тогда не так называлось? – Она махнула рукой. – Черт бы с ним. В общем, они приятельствуют, не смотря на разницу в возрасте.

– И что, положение деда поддерживает?

– Да нет, ты что, тот умер давно. А Костя у нас сам себе хозяин. И с мэром на «ты», и с сынком его вась-вась, и поговаривают, что с губернатором на короткой ноге. Он застройкой занимается. За последние пять лет ни одного торгового центра без его участия не построили, наверное. В общем, богат, как Кощей Бессмертный.

– И, судя по твоей осведомленности, частый гость здесь, – насмешливо проговорила Нина.

– А что? У нас заведение солидное, абы кого не привечаем. А мужик скучает, денег полно, а бабы дуры.

– Все, да? Как одна?

Грета похлопала ее по руке.

– Я поняла, о чем ты. Но на самом деле дуры. Вот например его жена бывшая, орала, как резанная, что у него жуткий характер. Мол, жмот, бабник и сукин сын. Чего орала? – Грета вроде всерьез призадумалась и пожала плечами. – Вот молчала бы побольше, жила бы, как у Христа за пазухой. Хотя, он ее, кажется, в Париж сослал.

– Хороша ссылка.

– Ага. Нам с тобой, сирым и убогим, только мечтать о таком остается.

Нина усмехнулась в такт своим мыслям. Этого самого Костю разглядывала, а думала почему-то о том, как он со своей женой разводился. Наверняка не так, как они с Пашкой, некрасиво и набегу. Точнее, это Пашка так с ней разводится, не желая оставаться с ней надолго наедине и смотреть в глаза. За этими размышлениями, она разглядывала незнакомого ей мужчину, не понимая, почему он ее вдруг заинтересовал. Хотя он и был достаточно высок и широк в плечах, его фигура казалась тяжеловесной, а бокал виски в большой ладони просто терялся. Но выражение на лице вдумчивое, лоб высокий, губы пухлые, а от его взгляда у нее мороз по коже, от его вьедливости. И все это вкупе совсем не делает его красавцем, скорее уж настораживает. Такие типы всегда казались Нине опасными, а количество денег, на которое намеревалась Грета, и вовсе вычеркивало этого Костю из списка людей, с которыми стоит заводить знакомство. Да и то, что он бабник в глаза бросается, он только что с такой легкостью и простотой сунул банкноту за резинку Илонкиных трусиков, и руку на ее бедре придержал, пока она что-то говорила ему. Нина не сдержала презрительной гримасы, которая, наверное, была странна для женщины, что совсем недавно извивалась на полу перед всеми этими испорченными мужланами. В общем, смотрела на него без всякого одобрения, видела, как он привычным жестом одергивает пиджак дорогого костюма, что время от времени смотрит на часы на запястье, наверняка тоже стоящие баснословных денег, потирает бровь и снова прикладывается к бокалу. Смотрела и не понимала, почему смотрит. Наверное потому, что этот человек олицетворял собой все, что было ей чуждо в этом новом для нее мире. Большие деньги, наглость, стремление прошибить лбом любую стену, в желании добиться своего, отношение к женщинам, и, наверное, к самой жизни. Он даже внешне был не в ее вкусе, она выросла в кругу танцоров, изящных, натренированных мужчин, которые умели танцевать вальс и ча-ча-ча, она всегда считала такой типаж для себя привлекательным. Подумав об этом, стало смешно, Нина на самом деле усмехнулась, и вдруг поняла, что объект ее наблюдения теперь сам на нее смотрит, поверх бокала. И при этом странно щурится – то ли видит плохо, то ли она кажется ему странной, а возможно и подозрительной.

Нина поспешила отвернуться, хотя понимала, что поступает неправильно, следовало улыбнуться ему, легко и ненавязчиво, как все девушки вокруг улыбались мужчинам, а она, дура такая, от неожиданности поперхнулась, причем ещё до того, как сделала глоток шампанского. Собственным испугом, наверное, и мыслями.

Гретка фыркнула, наблюдая за ней.

– Ты тоже напилась.

– Вот ещё.

– А тогда чего краснеешь? Ты, наверное, первая, кто покраснел в «Тюльпане» за последние десять лет. – Грета рассмеялась. Нина взглянула на неё с укором.

– Ты замолчишь или нет?

Грета прижала пальцы к губам и пообещала:

– Замолчу, замолчу. К тому же, к нам, кажется, кое-кто собирается присоединиться.

Нина оглянулась через плечо, и от досады прикусила нижнюю губу. Двойной подарочек, в виде полупьяного Вадима, паршиво улыбающегося, и обладателя чистого взгляда, Константина, который казался заинтересованным, разглядывая Нину так, как она его несколько минут назад.

– Девчонки, вы чего шепчетесь? – Вадим положил руки на спинки стульев и наклонился к ним. Улыбался паршиво, с явным умыслом, и Нина поднесла бокал к губам, скрывая, как они недовольно кривятся. На соседний стул присел Константин и уставился в её лицо, и теперь уже бокал с шампанским не спасал, Нина не знала, куда глаза деть.

Грета к Вадиму потянулась, тот с готовностью наклонился и получил поцелуй в губы.

– У нас маленькие секреты. А ты заскучал?

– Без тебя.

Нина моргнула, оценив, насколько капризно прозвучал голос великовозрастного дитяти. И отшатнулась от руки Константина, который потянулся через стол, и тукнул Вадима по лбу.

– Что ты затынул, – без всякого уважения сказал он. – Маменькин сынок. – Руку он убрал, а сам посмотрел на Нину. Она была уверена, что отвернется, но Константин вдруг добавил: – Я так понимаю, что знакомить нас не собираются.

– Она уже все знает, я все про тебя рассказала, – порадовала Грета.

– Боюсь подумать, что именно.

– А чего ты боишься? – Грета потрепала его по щеке. – Я только хорошее, я же тебя люблю.

– Правда? – Константин искренне впечатлился, снова кинул быстрый взгляд на Нину, которая с сосредоточенным видом наблюдала, как бармен за стойкой трясет шейкер, смешивая коктейль.

– Хотя кто-то тебя любит, – буркнул Вадим, провел пальцем по голому плечу Нины, за что получил тычок локтем в бок. Расстроено вздохнул.

Константин поставил на стол пустой бокал из-под виски, на стуле откинулся и даже руки на груди сложил.

– Зато тебя любят все, на полу от женских слез поскользнуться можно.

– Не все, – Вадим кивнул на Нину, – она меня не любит.

Нина фыркнула, а Костя заметил:

– Правильно делает. – И вновь обратился к Нине: – Так что, будем знакомиться? – Протянул ей руку. – Костя.

После секундного замешательства, Нина протянула ему свою.

– Нина.

– Замечательно. – Он чересчур довольно улыбался, разглядывая ее. – Ваш выход, Нина, был украшением вечера. Всё остальное в Вадькином репертуаре – пошло и шумно.

– Эстет хренов. – Вадим тронул Грету за плечо, привлекая ее внимание. – Ты посмотри, уводит у меня женщину моей мечты, на моих глазах, в мой мальчишник, и ещё смеет меня стыдить.

– Мальчики, прекратите.

– А я женщина твоей мечты?

Вадим наклонился к Нине, ей даже пришлось толкнуть его в грудь, чтобы не наглед особю.

– Я сколько тебе уже об этом твержу?

– А будущая жена?

Он забавно причмокнул губами.

– Я ее люблю.

Константин придушенно хохотнул.

– Да уж, бедная девчонка. Подарю-ка я ей на свадьбу хлыст.

– Из секс-шопа? У меня есть, – захохотал Вадим.

Нина глаза закатила, отворачиваясь от него, Грета пальцем Вадиму погрозила, а Константин лишь усмехнулся.

– Тогда куплю подарочный набор транквилизаторов для животных.

Вадим стукнул кулаком по столу.

– «Галерею» хочу.

– Да? – Костя сунул ему под нос фигу. – Хрен тебе.

– Жмот.

Грета взмахнула рукой.

– Началась дележка. Вот так и придёшь к выводу, что если нет денег, то и не надо. – Она поднялась, Костя с насмешкой наблюдал за ней.

– Тебе деньги не нужны?

– Я живу любовью, Костик.

– К Жабе, что ли? Вот ему повезло.

– Иногда ты бываешь таким гадким. Пойдём, Нин, пусть они над золотом чахнут вдвоём.

– Девочки, вы куда? – расстроился Вадим, шлёпнувшись на стул Греты, и тут же потянулся к Нине. Успел схватить её за талию, даже носом в её плечо ткнулся, предпринял попытку обнять, но Нина решительно освободилась от его рук и поднялась. Показательно одёрнула на бедрах платье, правда, немного не рассчитала, отступая назад под красноречивым взглядом Вадима, и споткнулась о ногу Константина. Тот услужливо её поддержал, а когда она в панике оглянулась на него через плечо, не улыбнулся, снова с прищуром на неё уставился, отчего у Нины колени дрогнули. Это была мимолетная слабость, а может и испуг, но этого хватило, чтобы четко осознать желание сбежать. И не только от этого мужчины, а вообще из зала и этого заведения. Сегодняшний вечер не был самым приятным в её жизни, это уж точно. И вряд ли она захочет его вскоре повторить.

– Что такое «Галерея»?

Грета удивленно взглянула на неё.

– Новый торговый центр на Спасской. Ну ты что, весь из стекла и с красной крышей. Неужели не видела?

– Видела, – призналась Нина, ощущая странную горечь. – Он ещё не открылся.

– Ну вот, они из-за него уже полгода цапаются. Костик его построил, хотел себе оставить, а Вадке он приглянулся... Хотя, не понимаю, зачем он ему, если только открыть варьете в центре города. Ты знаешь, что у Вадима раньше казино было? Думаю, он скучает по тем временам.

– Странно, что не он «Тюльпан» открыл.

Грета рассмеялась.

– Думаю, он просто опоздал. – Заметила, что Нина посматривает в сторону кулис и спросила: – Сбежать хочешь?

– Я не сбегаяю, я ухожу. Я и без того сегодня задержалась. – Но на всякий случай спросила: – Если что заступишься за меня перед Витей?

Грета надула губы, но все же оттолкнула Нину от себя.

– Иди. Держать тебя бестолку, мне ли не знать?

Нина напоследок окинула взглядом веселящихся людей в зале, невинно улыбнулась Жабе, встретив его взгляд, ещё минуту покрутилась на месте, стараясь не привлекать к себе внимания, а после исчезла за кулисами. В коридоре было темно, безлюдно, и от этого легче дышалось. Как только в гримерку вошла, скинула с ног туфли, присела за туалетный столик, некоторое время разглядывала себя, после чего взяла расческу и принялась усердно расчесывать волосы, расправляя навитые локоны. Ощущение было такое, будто долгий, наполненный физическим трудом день позади.

– На тебе будто пахали, но этого не видно, – проговорила Нина себе под нос, глядя в зеркало. – За это тебе и платят.

Кинув взгляд на часы, решила поторопиться. Нужно было переодеться и такси вызвать, чтобы попасть домой хотя бы к двум часам ночи. Не хотелось думать о том, каким взглядом её встретит Зинаида Тимофеевна. Ничего, конечно, не скажет, но от её красноречивого прищура попросту коробит, и давать ей деньги с каждым разом всё противнее. Нина не сомневалась,

что соседка рассказывает хозяйке квартиры все подробности её жизни, которые ей становятся известны. Недаром на неё на улице косятся с недавних пор.

Смыв макияж, повесила платье в шкаф Греты, всё аккуратно расправила, и взяла футболку, в которой пришла в этот вечер в «Тюльпан». Только голову в вырез сунула, как почувствовала чьё-то присутствие за спиной. Даже не испугалась, среагировала чисто инстинктивно, двинула локтем тому, кто рискнул её схватить, но не преуспела. И хоть за спиной послышался сдавленное оханье, но мужские руки с её тела не исчезли, наоборот, её прижали к стене, навалившись всем телом, и Нина запуталась в футболке, не сразу сумев сдернуть её с головы.

– Отпусти сейчас же, – рыкнула она, прекрасно зная, кто на неё напал. От Вадика так несло «Фаренгейтом» и виски, что спутать его с кем-то было проблематично. Сумела повернуться, чтобы быть к нему лицом, хотела вцепиться в его щёку ногтями, но Вадик уклонился. И при этом разулыбался так, будто она с ним играла, а не пыталась заехать коленом ему в пах.

– Я тебе говорил, что ты красавица? – Он прижался губами к её шее и нахально облапал грудь. Тонкое кружево затрещало, Нина от ярости зарычала и снова попробовала ударить его ногой.

– Вадик, отпусти меня. Я пока по-хорошему тебя прошу.

Он схватил её за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза, улыбнулся.

– Давай по-плохому?

– Я убью тебя!

Он её поцеловал, решительно раздвинул языком её губы, и на какие-то полминуты Нина потеряла способность сопротивляться, от привкуса виски даже язык защипало. Не зная, что ещё сделать, стукнула Вадика кулаком между лопаток. Тот дрогнул, но её не отпустил, напротив подхватил её под ягодицы, приподнимая и одновременно прижимая к себе. Нина забрыкалась с новой силой, удивляясь, насколько пьяный в стельку человек может быть силен.

– Убью! – выдохнула она, когда поцелуй прервался.

– Да ладно тебе, я в пятницу женюсь. – Он убрал волосы с её лица, секунду вглядывался, потом сжал ладонью её подбородок и снова поцеловал в губы, крепко. – Я сделаю всё, что ты захочешь. Чего ты хочешь?

– Ты... пьяный сукин сын!

Он принялся целовать её, а Нина в панике обводила взглядом комнату, выискивая подходящее для сопротивления оружие. А сопротивляться было самое время: судя по тому, что творилось у Вадика в штанах, надолго его поцелуи не займут. А потом обвисла у него на руках, глядя на Константина, который зашёл в гримёрку и остановился, наблюдая за происходящим.

– Убери его, – завопила Нина, когда поняла, что его больше занимает процесс, чем желание помочь.

Костя подошёл, взял Вадика за шкурку и оттащил от неё. Нина, оказавшись без поддержки, нелепо съехала по стене на пол, но всё же с интересом наблюдая за тем, как Костя, не церемонясь, выталкивает Вадика за дверь. Тот громко возмущался, но как-то бессвязно, и, кажется, рухнул на пол, как только оказался в коридоре.

– Он пьяный, – сообщил Константин, поворачиваясь к Нине. Сказал это таким тоном, будто это всё объясняло и даже извиняло.

– Он меня чуть не изнасиловал! – Нина уцепилась рукой за стул, чтобы подняться.

– Не смог бы, он слишком пьян.

– Да? Мне лучше знать. – Наконец поднялась, придерживая рукой кружево бюстгалтера, от которого Вадик оторвал бретельку. – Пятьдесят баксов в помойку, – расстроено пробормотала она. – И всё из-за одного идиота.

– С этим спорить не буду. Но это Вадик.

– Мне наплевать, что это Вадик! – Атласный бантик, который скреплял бретельку и кружево чашечки безвольно повис и крепиться обратно никак не желал.

– Протрезвеет, сдери с него моральный ущерб.

– Да пошёл он. – Нина глянула на него через плечо, осознав, что стоит перед незнакомым мужиком в одном белье, причем попорченном. – Отвернись.

Он как-то странно улынулся, но спорить не стал, повернулся спиной, хотя Нина расслышала что-то вроде смешка. Она поспешила снять разорванный бюстгальтер и надела футболку и джинсы. – Ты закончила?

– Да. – Вдохнула и потёрла лицо, сердце всё ещё колотилось, а от воспоминания о губах и языке Вадика едва не выворачивало. Но всё же стоило еще вспомнить о благодарности, как никак, а человек ей помог. И даже отвернулся, когда она переодевалась. – Спасибо.

– Не за что. – Костя оглядел её с ног до головы, остановил взгляд на груди, но уже через секунду смотрел ей в глаза, как ни в чем не бывало, абсолютно невинно. Нина поневоле нахмурилась. Взяла сумку.

– Мне нужно идти.

– Ты на машине?

– Такси вызову.

Костя легко отмахнулся, вроде бы делая ей одолжение.

– Я тебя отвезу.

Нина притормозила у двери.

– С какой стати?

– Я всё равно уезжаю.

– Бросаете друга на финише?

– Он вряд ли заметит моё отсутствие. – Он распахнул перед ней дверь, но Нина продолжала стоять, переполненная подозрением. Костя заинтересованно вздернул бровь. – Что? Я еду домой, могу тебя подвезти. Без всякого умысла. – Голубые глаза смотрели невинно и проныжничливо.

– Хорошо, до площади, там я возьму такси. Это быстрее, чем ждать.

– Точно.

Тон был покладистым, взгляд открытым, и это настораживало. Нина отвернулась, собираясь выйти, и тут наткнулась взглядом на зеркало, через него отлично просматривалась вся комната. И помнится, именно в эту сторону отвернулся Костя, когда она попросила его не смотреть и дать ей переодеться. Возмущённо глянула на этого притвору, а тот лишь плечами пожал.

– Ты не просила меня закрывать глаза.

– Как вы все мне надоели, – выдохнула она, не зная, что ещё сказать.

Вадик спал на старом диванчике в коридоре. Подложил под щеку ладонь и похрапывал. Нина отвернулась, не желая смотреть на него, а Константин, кажется, и вовсе его не заметил, прошёл мимо, опередив Нину в дверях. Пропустить её вперёд и не подумал, наверное, пытался показать, что никаких намерений на её счёт не имеет. А Нина уже успела раскаться в том, что согласилась поехать с ним. Беспокойство подняло голову и принялось нащёптывать, что, по сути, она знать не знает этого субъекта, и садиться ночью в его машину опасно и даже глупо. И его притворное безразличие внушает мало доверия.

У входа в «Тюльпан» ожидала машина, массивный чёрный джип, с работающим двигателем. Нина на всякий случай заглянула в кабину, посмотрела, кто за рулём.

– С водителем? – чуть насмешливо, пряча смятение, спросила она. Константин безразлично пожал плечами, открыл ей заднюю дверь.

– Я не сажусь за руль, когда знаю, что буду пить.

– С ума сойти, – пробормотала она, садясь в машину. Костя поддержал её под локоть, когда она поднималась на ступеньку, но прежде чем Нина успела как-то отреагировать, закрыл дверь. А Нина посмотрела на молодого человека на месте водителя, зачем-то поздоровалась

с ним. Костя сел впереди, сказал водителю, что едем до центральной площади, потом взял с приборной доски телефон.

- Кто-нибудь звонил?
- Конечно, Константин Михайлович. Баркович и три раза Лена.
- Три раза? Мы расстались три часа назад.
- Привезли договор по «Строй Альянсу», вы просили сразу сообщить.
- Да, помню. Тогда давай в центр, а потом в офис.
- Константин Михайлович, – вроде бы укоризненно проговорил водитель.
- Я сказал, в офис, Ваня.

Нина, как мышка, сидела на заднем сидении, делала вид, что внимательно смотрит в тонированное окно, чувствуя себя неловко из-за этого разговора. Казалась себе незначительной и практически незаметной, не понимая, как её угораздило оказаться в этом автомобиле. Шикарная машина; салон, отделанный натуральной кожей; мягкие, явно ортопедические сидения, и пахнет в салоне не бензином и не дешёвым ароматизатором, а дорогим одеколоном хозяина. Нина посмотрела на стриженный затылок впереди, осторожно выдохнула, про себя отсчитывая секунды; выглянула в окно, прикидывая, далеко ли еще до центра.

– Может, всё-таки до дома довезти? – спросили её, когда автомобиль остановился у главной городской клумбы.

Нина отрицательно покачала головой и потянула на себя ручку.

– Не нужно. Большое спасибо.

Костя развернулся на сидении, посмотрел на неё.

– За что? – поинтересовался он, усмехаясь.

– За всё, – весомо ответила она и поспешила из машины выйти. Окно впереди открылось, и она посмотрела в лицо Константину. Сложила руки на груди, прикрывая грудь, стерпела изумительный мужской взгляд, понимая, что его заинтересовало. Вне «Тюльпана» она выглядела по-другому, без макияжа, провокационных нарядов и вызывающего взгляда. Константин, наверняка, сейчас вспоминает её сегодняшний выход, и пытается сопоставить танец с тем, как она сейчас выглядит, в затёртых джинсах, не покрашенная и со спортивной сумкой на плече. Чтобы скрыться от его взгляда, обернулась, посмотрела на вереницу такси на обочине. – Я пойду.

– Приятное было знакомство.

Она уже сделала шаг в сторону, оглянулась на него.

– Рада. За себя скажу, что вечер был не слишком удачным.

– Из-за Вадьки? Брось.

– Я сама решу, ладно? До свидания.

Он хмыкнул, разглядывая её на ночной улице.

– Пока. Иди, мы подождём, пока уедешь.

– Зачем?

– Так спокойнее.

Нина пренебрежительно фыркнула, когда до неё дошло, что он так проявляет заботу. Спорить не стала, направилась к такси, приказав себе не оборачиваться. А когда такси разворачивалось, чтобы выехать на дорогу, украдкой глянула в заднее стекло, но увидела лишь габаритные огни джипа на повороте.

В «Тюльпане» Нина появилась только через два дня, после заслуженных выходных. Если можно так считать. Хотя, если бы её кто-нибудь спросил, она бы ответила, что работая стриптизёршей, морально устаёт так, как никогда раньше. Каждый вечер просто выматывает. Домой приходишь и единственное, чего хочется, это забраться с головой под одеяло и ни о чём не думать, а уж тем более не вспоминать и не принимать близко к сердцу. Пределом стал мальчишник Вадика, который её практически наизнанку вывернул, причём в буквальном смысле.

До сих пор тошнило при воспоминании о его руках и губах. Вроде бы и не воспринимала Вадика всерьёз, но его приставаний это не отменяло. Одна надежда, что после свадьбы он угомонится, по крайней мере, по отношению к ней, найдёт новый объект страсти. Жену, например. Хотя, надеяться на это вряд ли стоит.

Гретка же только рассмеялась, когда Нина рассказала ей о том, что произошло в гримёрке.

– Вот видишь, он запал на тебя!

– А мне какое до этого дело? Грет, я тебе серьёзно говорю, он меня едва не изнасиловал, вот прямо на этом месте, где я сейчас сижу. Сумасшедший дом какой-то.

– И что ты хочешь? Медаль?

Нина крутанулась на кресле.

– Мне не нужна медаль. Я хочу, чтобы Вадик чем-нибудь заболел в медовый месяц. Чем-то не смертельным, но жутко противным.

– Какая ты злюка.

Нина придвинулась к туалетному столику, открыла косметичку. Грета прикурила, не спуская с неё глаз.

– И всё, ты больше мне ничего не хочешь рассказать?

Нина невинно моргнула.

– Что?

– Например, с кем уехала.

– Уже доложили?

Грета пожала плечами и рассмеялась. Потом махнула рукой, прося её продолжать. Нина сдалась.

– Нечего рассказывать. Он стащил с меня Вадика, потарасился на мою грудь, а потом довёз до площади, где я взяла такси и поехала домой.

– И всё? – Грета недоверчиво прищурилась.

– А что должно было произойти?

– Ты всё-таки бестолковая.

– Правда? Помнится, пару дней назад ты говорила, что я талантливая.

– Одно другому не мешает. Но если бы Костя на кого-нибудь другого внимание обратил... здесь... не нашлось бы другой дуры, которая бы ему отказала.

– А кто сказал, что он обратил на меня внимание?

– А тебе нужны цветы и серенады? Вряд ли дождёшься.

– Да я и не жду. Без того проблем хватает. – Нина наклонилась к зеркалу, начала аккуратно рисовать стрелки на глазах. – Кажется, мы уже об этом говорили.

– Помню, – негромко отозвалась Грета. Подняла ногу и положила её на край своего туалетного столика. Подол и без того короткого платья задрался, показав край ажурного чулка. – Поставишь мне новый номер?

– Конечно. У тебя есть идеи?

– Нет у меня никаких идей, я же не ты. Хочу что-то заводное.

– Я подумаю. – Нина ей улыбнулась, но Грета на улыбку не ответила, выпустила дым к потолку и отвернулась.

К моменту выхода Нины, зал заполнился людьми. Нина окинула посетителей взглядом, улыбнулась, когда кто-то помахал ей из зала, и закружилась под музыку. Повторяла про себя слова песни, танцевала у шеста, в какой-то момент почувствовала, что один чулок пополз вниз, и сама его спустила, соблазнительно скрутив и подняв вверх попу. Волосы упали на лицо, кто-то в зале свистнул, а Нина резко развернулась, сделав несколько па, скорее танцевальных, чем относящихся к стриптизу. Напоследок крутанулась вокруг шеста, и подошла к краю сцены, опустила на колени, чтобы принять из рук постоянного посетителя бокал с шампанским.

И даже руку ему подала, разрешая поцеловать, призывно пошевелила пальчиками. Кажется, всерьёз учится флиртовать, работая здесь.

– Звездочка, – одарили её приятным комплиментом. Нина улыбнулась, отпила шампанского, и поспешила скрыться за кулисами. Сунула бокал охраннику, радуясь, что на сегодня с пытками покончено.

– Выйди в зал, – сказал ей Витя, встретив у дверей гримёрки. Нина удивленно посмотрела.

– Зачем?

– Потому что я сказал. – Он окинул её взглядом с головы до ног. – Только переоденься.

– Да в чём дело-то?

– Я не просил тебя задавать вопросы. Давай, я жду.

Нина смотрела ему вслед, чувствуя, что закипает изнутри. Но кипела не только от возмущения, но и от беспокойства. До этого Витя её силой в зал не вытаскивал. Подумала проигнорировать, переодеться и уйти, но после недолгих раздумий, пришла к выводу, что ничего хорошего из этого не выйдет, только неприятностей лишних наживёт. Поэтому сплюнув с досады, отправилась выбирать платье, а заодно стёрла яркую помаду, сделала свой облик не таким вызывающим. Выйдя в зал, огляделась, увидела, что Жаба делает ей знак из бара и направилась к нему. И чем ближе подходила, тем яснее видела мужчину рядом с Витей. Тот сидел к ней спиной, даже на Жабу не смотрел, но было заметно, что Витя разговаривает с ним, а тот кивает в ответ. Широкие плечи, обтянутые тканью дорогого пиджака, расправились, когда он поднял руку, чтобы позвать бармена.

– Налей ещё, – услышала Нина ленивый баритон, и скрипнула зубами. – А даме мартини. – Он развернулся на стуле, на Нину посмотрел и улыбнулся. – Ты пьёшь мартини?

– Я вообще не пью, – порадовала она его, и одарила Витю убийственным взглядом. Тот противно ухмылялся, а потом и вовсе взял её за руку и притянул ближе к барной стойке, уступая Нине своё место.

Она покрутила головой, разглядывая этих заговорщиков.

– Что вам надо?

– Будь полюбезнее, – осадил её Витя, правда, в полтона.

Нина краем глаза заметила, как Костя кивнул в сторону, и Жаба тут же заявил:

– Пойду, дел много. Вы сами договоритесь.

Нина нахмурилась.

– О чём договоримся? – Беспомощно посмотрела Вите в спину, но тот даже не подумал оглянуться, оставил её наедине с постоянным клиентом. Бармен поставил перед ней бокал с мартини, Нина недовольно посмотрела, а от пристального взгляда Константина поёжилась. – Так в чём дело?

– Не воспринимай всё в штыки. И здравствуй.

Понадобилось несколько секунд, чтобы смирить гнев. Повторила за ним:

– Здравствуй.

– Как добралась до дома?

– Нормально. – Она разглядывала бокал, оливку на дне.

– Правда, не пьёшь?

Она дёрнула плечом.

– Редко.

– Сегодня не тот случай?

Нина рискнула взглянуть ему в лицо.

– Зависит от того, что ты мне скажешь.

Он разглядывал её с привычным прищуром, облокотился на стойку и улыбался. Нина не назвала бы эту улыбку приятной, скорее уж он приценивался, даже голову на бок склонил.

И Нина невольно присмотрелась к нему, скользя взглядом по его лицу. Встретила пронзительный холодный взгляд, неожиданно сглотнула, когда Костя дёрнул подбородком, и опять же перепугалась, понимая, к чему всё идёт. Кажется, её спокойной, относительно спокойной жизни в «Тюльпане», приходит конец. Сначала Вадим, потом подарки от поклонников, лобызание её рук, и теперь вот внук бывшего мэра, богатый, по словам Греты, как Кошей Бессмертный, подоспел к ней с непристойным предложением. Что ж так не везет-то?

– Мне нужна пара на завтрашний вечер.

Нина усмехнулась.

– Понятно.

– Я серьёзно. Мне нужна пара. Приезжают мои партнёры из Москвы, состоится ужин, скажем так – полуделовой, все будут парами, поэтому мне нужна девушка.

Нина слушала его, глядя в лицо.

– Ты ведь несерьёзно?

– Почему?

– Ты хочешь пригласить на ужин со своими партнёрами стриптизёршу?

– Ну, жены у меня нет, постоянной подруги тоже, а остальное никого не касается.

– Я тебе не верю.

– Я ещё ни слова не соврал.

Нина решительно покачала головой.

– Я не пойду.

– Почему?

– Потому что. Во-первых, мне там нечего делать, а во-вторых, и в самых главных, я буду чувствовать себя глупо.

– Да почему? Я тебя приглашаю в ресторан.

– Мне не нравится, как ты сейчас улыбаешься.

– Что ещё тебе во мне не нравится?

Нина промолчала, смотрела в зал, затем серьёзным тоном проговорила:

– Я не пойду. Не знаю, что тебе Витя сказал, но я прихожу сюда зарабатывать деньги. Не ищу ни спонсора, ни любовника, ни того, кто будет водить меня по ресторанам. Я, вообще, стараюсь не ужинать.

– Я не набиваюсь в любовники, красавица. Мне нужна девушка на вечер.

– Тогда тебе не принципиально, кто это будет. Разве нет?

– Ты язва, оказывается.

– Не знаю, раньше мне такого не говорили.

– Значит, я сделал открытие.

Нина улыбнулась ему, как можно более непринуждённое, не желая злить плохо знакомого ей мужчину, и порадовалась, когда он не предпринял попытки её остановить и помешать уйти. Не схватил за руку, за волосы, не усадил силой на соседний стул. Он пил виски и казался безразличным, только усмехался, разглядывая её. И утешился быстро. Когда Нина оглянулась на него через минуту, на его плече уже висела Рита и что-то рассказывала, почти прижимаясь губами к его щеке.

– Подожди. – Её остановил мужчина, который угощал шампанским, поднеся бокал, когда она была на сцене. Нина закинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо, он был достаточно высок, и руки держали цепко. – Посиди со мной.

– Я занята, извините. – Она попыталась вывернуться из его рук, но не преуспела. Пришлось остановиться, нацепить на лицо улыбку и выслушать всё, что ей скажут. Если повезёт, ей удастся от него отделаться без скандала, хотя, взгляд у этого парня такой, что сразу становится ясно – упрямства ему не занимать.

– Да чем ты занята? – Её уверенно тянули к столику, за которым сидела большая шумная компания. – Посиди с нами, отдохни. Я закажу ещё шампанского. Где официант?

Нина беспомощно оглядела людей за столом, присела ровно на секунду и снова поднялась.

– Мне, правда, нужно идти. Меня Витя ждёт.

– Ждёт? – Её притянули ближе к мужскому телу. – Я с ним поговорю, – многообещающе заявили ей с явным намёком. – Он не будет против. Ты знаешь, как меня зовут?

Нина убрала его руку со своего бедра, головой покачала, подавив в себе желание в открытую сказать ему, что ей дела нет до того, как его зовут. Ещё бы не дышал ей в лицо, было бы просто замечательно.

– Я Сергей.

– Очень приятно, – сквозь зубы проговорила Нина.

– Серёг, ты справиться не можешь, что ли? – загоготали за столом. – Тебе помочь?

– Не надо мне помогать, – особым рокоchущим голосом проговорил этот самый Сергей, и Нина отшатнулась, когда он наклонился к ней. И решила проявить строгость.

– Может, ты меня отпустишь?

– Нет. Я хочу, чтобы ты посидела со мной. – Он наклонился к её уху и зашептал: – Когда я смотрю, как ты танцуешь, у меня внутри всё узлом завязывается.

– Очень за тебя рада. Но это не повод меня хватать. И лапать. – Она в сердцах скинула его руку со своего бедра, которая упрямо туда возвращалась.

Её схватили за подбородок, она головой дёрнула, пытаясь освободиться от цепких пальцев. Со злостью уставилась в незнакомые тёмные глаза. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы не подоспевшая Грета. Деланно засмеялась, обняла её, ненавязчиво освобождая от рук нежеланного кавалера.

– Серёж, ну ты что, – укоризненно и мягко заговорила она, – Витя её ждёт в кабинете, а ты вцепился, как в свой подарок к Новому году.

– Потому что хочу подарок. Неужели так трудно посидеть со мной за столом и выпить? Я много прошу, Грет?

– Конечно, нет. Но главный у нас Витя, ты ведь в курсе. Его желания в первую очередь исполняются.

Нину окинули красноречивым взглядом, видимо, уже прикидывая, как именно она желания Вити исполнять будет.

– Ясно. Но я заслужу немного любви и понимания?

Грета потянулась к нему и поцеловала в щёку.

– Конечно, милый. – Незаметно пихнула Нину в бок, и та поторопилась отступить, направилась к кулисам, а Грета сделала знак другим девочкам, чтобы те не оставляли своим вниманием капризного клиента. Догнала Нину, подхватила ту под руку, не по-дружески, а больно вцепилась, и, как на буксире, протащила по коридору к гримёрке. Выглядела возмущённой, и когда они застали в раздевалке Риту с Илоной, Грета только шикнула на них и указала рукой на дверь. И те, не часто радуящие своей покладистостью, беспрекословно удалились. Нина же застыла у стены, понимая, что сейчас её начнут учить уму разуму.

– Я не пойду в зал, Грет, – решила она сразу разъяснить ситуацию.

Грета прошла по гримёрке, уперев руки в бока, а когда повернулась к ней, без обиняков поинтересовалась:

– Нин, ты дура? Ты понимаешь, что ты сделала сейчас?

– Да. Отшила этого придурка.

– Отшила? – Грета зло рассмеялась. – Даже не надейся. Такие, как Серёга приходят сюда не для того, чтобы их отшивали. Тебе мало Вадика? А Серёга, я тебе скажу, не Вадик, это ещё та паскуда. И он вряд ли будет долго угощать тебя шампанским и рассыпаться в комплиментах.

И нечего отворачиваться, – зло шикнула на неё Грета, когда Нина отвела глаза. – Ты думала, что ты вечно будешь ускользать одна из клуба в своих джинсиках и неприметной футболочке? А Витя будет рад только тому, что ты раз за вечер выходишь на сцену?

Нина в упор на неё взглянула.

– Это он попросил тебя ситуацию для меня прояснить?

– Нет. – Грета упёрла руку в стену рядом с её плечом и наклонилась к ней, дышала ей в лицо, и у Нины даже голова закружилась от запаха её сладких духов. – Я сейчас говорю с тобой, потому что не хочу, чтобы ты, дура, проворонила единственный шанс.

– Какой шанс, Грет?

– Тот самый. Тебе его сегодня в руки дали, а ты, любительница выделываться, швырнула его, да ещё ногой поддала. Нин, пойми, никто не даст тебе жить спокойно. Витя всё равно тебя продаст, тому, кто заплатит больше. Но сейчас у тебя есть шанс послать всех подальше. Гордости надолго не хватит, Нинок, и далеко ты на ней не уедешь. Ты дождёшься того, что Серёга с Витей договорятся, и тогда тебя не спасёт никто. А может, это будет не Серёга, ещё кто-то, кого ты даже не знаешь. У нас не швейная фабрика, куда девки ходят за зарплатой, уж прости.

Нина упёрла взгляд в угол, сжала за спиной руку в кулак и изо всех старалась не разреваться. Всё, о чём думала и чего так боялась, начало сбываться, обретать чёткие очертания, и она оцепенела. От ужаса. Кажется, в первый раз в жизни. Если раньше будущее виделось смутно, то теперь попросту в чёрных красках.

Она кашлянула, чувствуя, как горло сжимает спазмом.

– Значит, послать подальше?

– Нин, – голос Греты стал мягче. – Если ты поведёшь себя по-умному с Шохиним, тебе никто не посмеет слова сказать, даже Витя. А уж тем более руку протянуть без спроса.

Нина моргнула.

– Шохин – это кто?

– Костя, – в раздражении выдохнула Грета. – Ты ему понравилась, настолько, что он пригласил тебя в ресторан. Я такого не помню. А ты плюнула ему в лицо. Это вместо спасибо.

– Я должна быть благодарна?

– Да, милая моя. Ты здесь – одна из многих, хоть и талантливая. Но кто? Стриптизёрша. И можно долго рассуждать о профессионализме, твоих медалях и нежелании раздеваться у шеста, но ты – стриптизёрша, – Грета по слогам выговорила это слово. – Надолго ли хватит твоего таланта? А Костя может многое. Вадик рядом с ним щенок, а Серёга – шелупонь дворовая. Вот и подумай, пораскинь мозгами-то. Сегодняшний вечер – только начало. Сегодня я тебя спасла, но кто за тебя заступится завтра? И кто от тебя оттащит очередного Вадика, который решит завалить тебя на диванчике в коридоре? – Она отошла, села и нервно прикурила. Сверлила Нину взглядом. – Послушай, Костя – хороший мужик. На самом деле хороший. Он не псих, не маньяк, не сволочь, и даже не жмот, как утверждала его бывшая жена. И он – твой единственный шанс. – Грета усмехнулась. – Я бы сама счастья попыталась, но я для него старовата, у Костика определённые требования к женщинам, и ты в его вкусе. Так что, прекращай выделываться. Иди в зал, и если он там, скажи, что ты передумала и будешь счастлива сопровождать его завтра вечером.

Нина аккуратно вытерла выступившие слёзы, потом прижала пальцы к губам.

– Как-то быстро я из стриптизёрш в шлюхи переквалифицировалась.

Гретка показательно вздохнула и вроде бы посетовала:

– Глупая ты ещё. Ты не понимаешь, какой шанс тебе даётся. Да, женой ты не станешь, и даже порядочной девушкой вряд ли рядом с ним будешь, но статус любовницы при таком человеке, порой, куда больше значит. Он знает всех в этом городе, и половина из этих людей

ему должны или зависят от него. А от тебя требуется только одно – повести себя по-умному. Если не знаешь как, спроси у меня. Иначе так и закончишь в «Тюльпане».

Нина сделала глубокий вдох, после чего съехала по стене и присела на корточки. Потёрла виски. Глянула на Грету исподлобья.

– Можешь меня оставить?

Та помедлила, затушила сигарету, после чего поднялась. А проходя мимо, потрепала Нину по голове, как неразумное и не особо любимое дитя.

– Подумай, только недолго. Он ведь уйти может.

После этих слов, Нина горько усмехнулась. Воображение тут же нарисовало картину, как она бежит за чёрным джипом, в отчаянии заламывая руки. Грета предрекала ей именно такую участь, и Нина уже склонна была поверить в то, что такое вполне может быть. Этот Серёжа в зале, с масляными глазками и цепкими руками, её не на шутку напугал. Не своей персоной, а прецедентом. Если так дальше будет продолжаться, долго ей оборону держать не удастся, особенно, если Витя решит получить выгоду и отдаст её на съедение волкам. От бессилия захотелось заорать. Ведь знала, чем рискует, понимала, на что идет, но верила, глупая, что с ней-то такого не случится, кто-то наверху её уберёжёт. Не уберёт, и теперь, сидя на полу гримёрки мужского клуба, ей надо решить, кто предпочтительнее в любовники – мужчина, с которым познакомилась два дня назад, или тот, с которым пообщалась в первый раз сегодня. Дико, просто дико.

Когда она, наконец, вышла в зал, подправив макияж и храбрясь из последних сил, Грета, завидев её, тут же подошла. Взглянула с сожалением.

– Опоздала. Он уехал.

– Что, всерьёз предлагаешь мне заплакать?

– Да. Но даже реветь уже поздно. – Грета развернулась лицом к залу и положила руку Нине на плечо. Посмотрела на стол, за которым веселился Сергей, усадив себе на колени одну из девушек, и подтолкнула Нину обратно в коридор. – Поезжай домой, не надо разжигать чужой интерес. Завтра поговорим.

Нина со злостью задёрнула за собой тяжёлую штору и твёрдым шагом направилась к гримёрке. Предполагается, что она должна убиваться из-за того, что Шохин уехал, а она не успела упасть ему в ноги. Но позже, когда злость прошла, и Нина оказалась дома, лежала постели и в ночной тишине снова начала перебирать в уме всё, что сказала ей Грета и то, что сегодня случилось в «Тюльпане», поняла, что напугана не на шутку. И даже пожалела, что Константин уехал до того, как они смогли ещё раз поговорить. Запугала себя до того, что уже не сомневалась: согласилась бы на ужин. Самой не верится, что дошла до такого.

Грета позвонила утром, когда Нина варила Арише кашу. Дочка сидела за кухонным столом, смотрела в окно и мотала ногой.

Нина пыталась с ней разговаривать, но Арина явно сегодня была не настроена ей отвечать, и Нина, и без того расстроенная, в конце концов, сдалась и замолчала. А потом Грета позвонила и затараторила:

– В общем, слушай. Ты знаешь, где находится улица Архипова?

Нина нахмурилась, вспоминая.

– За площадью Ленина?

– Да, в ту сторону, у памятника свернешь направо и вниз, по улице.

– А что там?

– Стройка, что! Там строят офисное здание, сегодня там начальства куча. И Костя там будет, я точно знаю.

Нина подула на ложку с кашей, потом попробовала.

– И ты предлагаешь мне выловить его там и попроситься на ужин?

– Как-то так.

– Интересно.

– Слушай, я помочь пытаюсь, – обиделась Грета.

– Спасибо тебе, конечно, но, Грет, как ты себе это представляешь?

– Очень просто я себе это представляю. Привлечешь его внимание, поулыбаешься, бюстом колыхнешь и как бы невзначай намекнешь, что раскаиваешься в том, что отказала ему вчера. Блин, Нина, почему тебя нужно учить таким банальным вещам? Ты сама все знаешь, просто прикидываешься. Иди, и исправь все!

– Я кормлю ребенка завтраком!

– Корми, кто тебе мешает? А через два часа будь на Архипова.

Нина топнула ногой, сунула телефон в карман, а сама подняла голову, устремив взгляд на потолок, не зная, откуда еще взять сил. Но через два часа, оставив Аришу на занятии с психотерапевтом, послушно отправилась по указанному Гретой адресу. Общественный транспорт по Архипова не ходил, и пришлось идти пешком, на высоких каблуках. Нина шла, не особо торопясь и раздумывая над тем, что будет делать, когда окажется на месте. Если честно, в голову ничего не приходило. Кляла Грету, вынудившую ее приехать, и представляла себя сиротой казанской, которая сейчас будет околачиваться вокруг стройки, неизвестно как высматривая Шохина. Хорошо хоть улица была переполнена магазинами, офисами и салонами красоты, можно было придумать достойную причину, по которой оказалась здесь, иначе ее попытка встретиться с ним выглядела бы совсем уж жалко.

Территория строительства была огорожена высоким забором, но достроенное многоэтажное офисное здание уже высилось за ним, и, признаться, давило своей внушительностью. Ворота были распахнуты, пространство было забито автомобилями, преимущественно дорогими, а у будки охраны стояли два дюжих молодца в черной форме с непонятными нашивками, переговаривались между собой и посмеивались. Оказавшись у открытых ворот, Нина шаг замедлила, стараясь хорошенько рассмотреть, что происходит на стройке. Под ногу попался камень, нога подвернулась, и Нина остановилась, делая вид, что проверяет тонкий каблук на прочность. На площадке перед зданием собралось человек семь мужчин, все как один в костюмах, мимо них шмыгали рабочие в комбинезонах, а эти «командиры», кажется, ругались между собой, по крайней мере, Нине так показалось, судя по повышенным тонам и яростной жестикуляции некоторых. Шохин стоял к ней боком, сунув руки в карманы брюк, и с недовольным лицом выслушивал собеседников.

– Девушка, вам помочь?

Нина отвлеклась на охрану. Повинилась, скромно улыбнувшись:

– Споткнулась. – Ненавидя себя за то, что делает, захромала к будке, сняла туфлю и принялась разглядывать каблук, даже покачала его. А сама то и дело косилась вправо, на мужчин. Замечать ее никто не желал, и это выводило из себя. Нина знала, что через минуту развернется и уйдет, унижаться и кидаться под колеса автомобиля Шохина она не станет. И вечером схлопочет за это от Греты. Но что делать-то?

– Кость, два месяца. Нужно сдать к октябрю, понимаешь?

– Не пудри мне мозги, а? Ты помнишь, о чем договаривались? Декабрь!

– Надо, Кость.

Нина продемонстрировала охране туфлю, исподтишка наблюдая за Костей, который шел мимо в компании незнакомого коротышки с сердитым лицом.

– Мне не надо, я иду по графику.

– Да? То есть, к приезду премьера тут по-прежнему будут голые стены?

– Свози его в перинатальный центр, а не сюда.

– Ты лег поперек паровоза, когда тендер разыгрывали, ты хотел строить детский центр, а теперь хочешь в сторонке постоять, когда будут тумачи раздавать?

Они остановились неподалеку, и Нина даже забыла разглядывать поврежденный каблук, уставившись Косте в затылок и с интересом прислушиваясь к чужому разговору.

– Сень, хватит меня шантажировать. – Он повернул голову и посмотрел прямо на Нину. На нее будто ушат ледяной воды вылили. Сначала окатило холодом, а потом сразу закололо миллионом иголок, вызывая жар. Будто со стороны себя увидела, стоящую на одной ноге, с туфлей в руке и едва ли не шевелящей ушами от любопытства. Стало невероятно стыдно, поспешила надеть туфлю на ногу, и замялась, не зная, уходить или еще есть шанс.

– А ты перестань меня в этом подозревать, – сказал Шохину коротышка и сел в машину. Открыл окно и попросил: – И подумай о моих словах.

Костя лишь отмахнулся в раздражении. Автомобиль выехал за ворота, Нина отступила в сторонку, ожидая, когда можно будет пройти, послала короткую улыбку Шохину, вроде бы извиняющуюся, и остановилась, заметив, что тот не торопясь направился к ней. Кинул взгляд на примолкших охранников.

– Что ты тут делаешь?

Нина не придумала ничего лучше, чем продемонстрировать ему свою руку с трехдневным маникюром.

– Маникюр делала, салон здесь за углом.

Костя ощупывал ее взглядом, едва заметно усмехался, а Нина разглядывала его костюм-тройку и стильный галстук в полоску, с чуть ослабленным узлом на шее. Потом кивнула на здание за его спиной.

– А ты?

– Работаю.

– Ты это строишь? Что здесь будет?

– Да чего здесь только не будет, но первые три этажа отдадут под детский центр. – Он сделал паузу, после чего предложил: – Хочешь, покажу?

Нина с сомнением посмотрела на бетонное страшилище, не понимая, что там можно смотреть, даже окон еще нет, но отказываться было глупо, пришлось изобразить интерес и соглашаться. Прошла мимо любопытных охранников с приклеенной улыбкой, а когда почувствовала руку Константина на своей спине, напряглась не на шутку и едва удержалась оттого, чтобы не развернуться и не убежать. Понимала, что совершает ошибку, возможно, самую большую в своей жизни.

– Кость, в общем, крутись как хочешь, а у меня времени в обрез, у меня через полчаса совещание.

– Давайте, бегите все, – чуть презрительно проговорил он, подходя к ожидавшим его мужчинам.

– Ты себе уже дело, смотрю, нашел, – усмехнулся какой-то рыжий.

– Да, экскурсии вожу. От вас-то все равно никакого толка.

– Я договорюсь с Уваровым на следующую неделю, устроим твоему детищу смотрины.

Нина стояла рядом с Константином, смотрела себе под ноги, слушая разговоры людей, имена которых раньше слышала только в городских новостях. И самое странное, что ее отсюда никто не гнал и не удивлялся ее присутствию.

– Давай, только пусть время с моим секретарем согласуют, а не как в прошлый раз. В обеденный перерыв, наскоком...

– С девушкой-то познакомишь?

– Нет. Не заслужили.

Нину с любопытством разглядывали, а она не знала, стоит улыбнуться в ответ или лучше скромно постоять в сторонке. Да и что могла бы сказать этим людям, даже просто знакомясь с ними, не знала. Не правду же, в самом деле?

– Что-то не так? – спросила она Шохина, когда они остались вдвоем, наблюдая, как разъезжаются представители городской администрации.

Костя удивленно взглянул, после чего пожал плечами.

– В этом бизнесе не бывает легких путей. Поэтому проблемы – это как раз признак стабильности. – Он поднял голову, посмотрел на здание. – Пойдем?

– Внутрь пойдем?

– Боишься?

– Да нет. – Нина внимательно смотрела под ноги, боясь споткнуться и окончательно испортить туфли. Если бы знала, чем ознаменуется ее встреча с Шохиним, не стала бы слушать Гретку, наряжаться, а надела бы привычные джинсы и кроссовки. В них куда удобнее по стройке лазить. А сейчас на ней выходное платье и туфли на шпильке. Или он специально ее проверяет? Ну вот, еще и каску ей выдал, чтобы и от прически следа не осталось. Нина повертела каску в руках, огляделась, а Шохин хмыкнул.

– Зеркала нет.

– Очень смешно, – пробормотала она и водрузила пластмассовое уродище себе на голову. А Костя подал ей руку, когда они поднимались по ступеням крыльца.

– Это президентская программа, центр планирования и развития семьи, – начал рассказывать он. – Здесь будут работать специалисты, врачи и психологи, будут проводиться групповые занятия для родителей и детей. На третьем этаже будет большой зал для собраний, просторные помещения для игр; второй этаж займут сотрудники, а на первом общие комнаты для встреч и занятий. В принципе, меня не слишком волнует, как, в итоге, здесь все будет устроено, мое дело построить. – Они поднялись на второй этаж, Нина не без интереса оглядывалась, хотя, кроме серых бетонных стен и гор мусора, смотреть здесь было особо не на что. Но на стройке она впервые, и проявить любопытство не грех. Мимо прошел мужчина в запачканном раствором комбинезоне, глянул на них исподлобья, и поторопился исчезнуть с глаз. А Нина едва заметно усмехнулась, наблюдая за Шохиним, который смотрелся совершенно неуместно в своем костюме-тройке, рядом с неаккуратной кучей кирпичей.

– Видишь, главный коридор пойдет по круговой, одна стена будет полностью стеклянной. Вид – закачаешься.

Нина сделала несколько осторожных шагов к краю, глянула вниз.

– А что будет выше?

– Выше детского центра? – Она кивнула. – Офисы.

– Это тоже президентская программа?

Костя понимающе усмехнулся.

– Почти.

– Ясно. – Нина отвернулась от него, глядя вдаль, на новостройки. Осторожно втянула в себя воздух, когда почувствовала, что Костя приблизился к ней. Остановился за спиной, вроде бы тоже смотрел на дома, но на самом деле разглядывал ее, Нина чувствовала его взгляд.

– Как ты меня нашла?

– Я не искала. Шла мимо.

– Серьезно? И зачем ты шла мимо?

Наверху кто-то громко и от души выругался, и пообещал кому-то, что похоронит его прямо на этой гребаной стройке. Нина подняла глаза к потолку, а Шохин многозначительно хмыкнул.

– Петрович зверствует.

– Кто это?

– Прораб. Лютый мужик.

– Я слышу.

– Ты так и будешь ко мне спиной стоять?

Легко ему говорить, а Нина и стоя к нему спиной нервничала ужасно, а повернуться и посмотреть в глаза, было попросту страшно. Наверное, с ней что-то не так, потому что флиртовать у нее совершенно не получается. По крайней мере, вынужденно.

Заставила себя повернуться, в лицо ему взглянула и внутри все опустилось. Шохин смотрел на нее с усмешкой, сразу становилось понятно, что все понимает и обо всем догадывается.

– Тебя Витя прислал?

Она покачала головой.

– Понятно.

– Что понятно?

Ответить он не успел, по лестнице сверху кто-то спустился, жутко топая и что-то в гневе бормоча. Нина голову повернула и увидела мужчину тщедушного телосложения, он был настолько худой, что странно было, как его ноги носят. Невысокий, еще и сутулый, в потрепанных старых джинсах и клетчатой рубашке, он походил на ложный опенок в лесу, в ярко-оранжевой строительной каске, которая на его маленькой голове смотрелась, как шляпа. Но как только он заговорил, заметив их, Нина к своему удивлению поняла, что это именно он несколько минут назад орал басом на рабочих.

– Константин Михалыч, ты новый план видел? Это какой же идиот придумал?

Шохин повернулся к нему, прикрыв Нину плечом.

– Петрович, сбавь обороты. Мне тоже порой условия ставят.

– Это не условия, это нож к горлу. Где я им людей найду, чтобы к октябрю закончить? Кто им платить будет? Губернатор из своего кармана?

– Очень в этом сомневаюсь.

– Вот и я сомневаюсь! И без того идиот на идиоте и идиотом погоняет. Бригада не вышла, крановщик дубина, а этот Черкасов еще права качает и профсоюзом грозит. Профсоюзом! – закончил он со злым сарказмом, плюнул с досады, и прежде чем Шохин успел его заткнуть, махнул рукой и устремился вниз по лестнице.

Нина с интересом посмотрела ему вслед.

– Кто такой Черкасов?

Костя головой покачал.

– Понятия не имею. – Он повернулся к ней. Обеспокоенным проблемами Петровича, совсем не выглядел. Усмехнулся, разглядывая ее в каске. – Тебе идет.

– Не выдумывай. – Но как истинная женщина, кокетливо поправила выбившиеся волосы.

– Так зачем ты пришла?

Нина усердно разглядывала узел его галстука, затем взгляд опустился ниже, скользнул по линии пуговиц на жилетке.

– Я подумала... – Говорить было очень трудно. – Я вчера повела себя неправильно.

– Ты передумала насчет вечера?

– Я так не сказала. Но у меня остался неприятный осадок. Кажется, я тебе нагрубила.

– Не помню такого. Я тебя понял и даже не обиделся.

– Правда?

Он пожал плечами. Стоял совсем близко, и этим Нину беспокоил. От него пахло дорогим одеколоном, о стоимости костюма и обуви было страшно помыслить, а взгляд такой, что до глубины души пробирает. Не смотря на то, что Костя говорил, будто не обиделся на ее вчерашний отказ, судя по самодовольному взгляду, это было не так, и сейчас он получал удовольствие, наблюдая ее мучения.

– Значит, все в порядке? – уточнила она. И чуть не добавила: «Мы друзья?». Друзья, как же, он смотрит на нее, как кот на сметану.

– Ужин в семь.

Если честно, Нина все-таки удивилась.

– Ты хочешь, чтобы я пошла?

– Да.

Секунду помедлив, она кивнула:

– Хорошо.

– Прозвучало безумно радостно.

– Я просто не понимаю, почему ты все еще настаиваешь. Ведь момент все-таки был неприятный.

– Правду сказать? – Она кивнула. – Приедет мой приятель, хочу его уесть.

– Чем это? Что приедешь с девушкой?

Костя ухмыльнулся, потом приподнял пальцем ее подбородок, заставляя смотреть в глаза.

– Он умрет, когда тебя увидит.

Нина нервно сглотнула под его изучающим взглядом. Чувствовать себя пусть и красивой, но безделицей в руках обеспеченного мужчины, было неприятно. Но выбора у нее, кажется, нет.

Осторожно отступила на шаг, вынуждая его опустить руку, улыбнулась, скрывая смещение.

– У вас состязание? У кого женщины красивее?

– Можно и так сказать. Еще со студенческих времен.

– Замечательно.

Он хмыкнул.

– Да не бойся ты. Просто ужин: разговоры о бизнесе, хорошая еда. Или предпочитаешь еще один вечер в «Тюльпане»?

Нина отвернулась, не ответив. Посмотрела на часы: пора было ехать за дочерью.

– Где и в каком часу ужин?

– Я за тобой заеду.

– Зачем? Я приеду на такси.

– Нина, – вроде бы укоризненно начал он.

– Я прекрасно доберусь сама, не стоит переживать.

– Ладно, – сдался он после недолгого обдумывания. Они прошли к лестнице, Шохин снова спускался первым, а Нина за ним. На последней ступеньке зацепилась каблук за выбоину, опасно покачнулась и машинально схватила за его плечо. В следующее мгновение ее талию обвила мужская рука, и со ступеньки ее сняли, легко приподняв.

– Каблук сломала?

– Кажется, нет, – тихо проговорила она, пряча от него глаза и чувствуя чужое дыхание на своей щеке. Отпускать он ее не торопился, они замерли у лестницы, в гулком захламенном помещении, которое в скором будущем должно было стать вестибюлем огромного офисного здания. Где-то наверху голоса, механический шум, до первого этажа только пыль доходит, у Нины даже в носу защебетало. Но все сразу прошло, как только Костя ее взгляд поймал. Он до сих пор обнимал ее, прижимал к себе и на какую-то долю секунды Нине показалось, что обнюхает, как волк волчицу.

– Только будь добра, сегодня вечером будь поласковее.

Нина нервно усмехнулась и опустила глаза, чтобы оценить степень их близости.

– Если ты просишь.

– Я прошу.

– Ты собираешься обмануть своего друга, – в шутку пожурела она его.

– Ни в коем случае. Я собираюсь поразить его воображение. – Он отпустил ее, отряхнул рукав пиджака и недовольно глянул вверх. Вышел вслед за Ниной из здания. – Я позвоню Вите, предупреджу.

Прозвучало не слишком прилично, но Нина заставила себя смолчать. В ее положении спорить и возражать было глупо. Она сощурилась на солнце, потом сняла с головы каску и взбила волосы. И тогда уже поняла, что Шохин за ней наблюдает.

– Как ты оказалась в «Тюльпане»? – неожиданно спросил он.

– Пришла, – коротко ответила она, всем своим видом давая понять, что обсуждать это ей неприятно. Мужчина за ее спиной, который собирался купить ее время на этот вечер, спорить не стал, даже не разозлился на ее скрытность.

– Скажу водителю, чтобы отвез тебя.

Нина спустилась по ступенькам, ступая осторожно и проверяя каблук, которому сегодня досталось, на прочность. Ступив на землю, обернулась на Шохина.

– Ты еще не понял? Я вполне самостоятельная. Увидимся вечером, – пообещала она. – Адрес я запомнила.

– Буду ждать, – отозвался он с усмешкой и, не дожидаясь, пока она уйдет, вернулся в здание.

В этот день она впервые побывала у Греты в гостях, точнее, практически напросилась, придя к выводу, что раз уж та всю эту кашу заварила, то просто обязана помогать. Это ей Нина и сказала, появившись на пороге ее квартиры, и вызвав своим заявлением массу неудовольствия.

– Вот так всегда, – заворчала Грета, запахивая шелковое кимоно на пышной груди. – Дай человеку палец, он руку по плечо откусит. Я теперь уже обязана.

– Не ругайся, – попросила ее Нина, с интересом осматриваясь. – К кому еще мне обратиться, как не к тебе?

– Конечно.

– К тому же, ты сама сказала, что если я не знаю как, то спросить у тебя.

– А ты и рада, да? – Грета привалилась к стене, на Нину посмотрела, потом все-таки притянула ту к себе, обняла, сменив гнев на милость. – Ладно уж, проходи.

Нина прошла через светлую комнату, посмотрела на пушистый ковер под своими ногами.

– Хорошо у тебя, – искренне похвалила она. – А сын дома?

– Он у моих родителей живет. Там его контролируют, а мне когда?

Комментировать Нина не стала, права лезть или обсуждать чужую жизнь у нее нет, а чтобы давать советы мудрости не хватает, со своими бы проблемами разобраться.

– Так что ты хочешь?

Вопросу Нина удивилась.

– Платье. У тебя же полно одежды. А насколько я поняла, вечером намечается торжественное пускание пыли в глаза друзьям и соперникам. Нужно что-то особенное.

Грета присела на край разобранной постели, закинула ногу на ногу и потянулась за сигаретами.

– Красное?

– Почему красное? Хотя, не знаю, нужно посмотреть.

– Тебе пойдет красное.

– Грет, нужно что-то элегантное. И желательно дорогое.

– Да? – Грета вызывающе изогнула бровь. – Если Костику нужно дорогое, сам бы и купил.

– Ну, Грет. – Нина просительно взглянула на нее. – Не ворчи, лучше помогай. Ты же знаешь, у меня для такого вечера ничего нет. А у тебя есть.

– Не забудь напомнить мне, чтобы я тебе рассказала, откуда все это берется.

– Не уверена, что хочу знать, – проговорила Нина в сторону, но эти слова были заглушены звуком отъезжающей в сторону двери шкафа-купе.

На выбор наряда потратили час. Грета сначала настаивала на красном длинном платье с открытой спиной, потом ей приглянулось на Нине темно-синее с узкими рукавами, но, в конце концов, сама Нина остановила свой выбор на черном с ажурными вставками платье на тонких бретельках. Ничего вызывающего, даже длина более чем скромная, до середины колена, зато сидело, как влитое, подчеркивая все изгибы фигуры и будоража воображение легкими складками на груди. Открытые плечи и зона декольте, забранные наверх волосы и высоко поднятый подбородок – вот и все украшения, которые, по сути, требовались. Правда, Грета уговорила взять висячие переливающиеся серьги, а туфли Нина выбрала сама – открытые, с лакированными ремешками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.